

Эрик-Эмманюэль Шмитт
ЖЕНЩИНА В ЗЕРКАЛЕ

Каждая история – маленький шедевр!

Азбука-бестселлер

Эрик-Эмманюэль Шмитт

Женщина в зеркале

«Азбука-Аттикус»

2011

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Шмитт Э.

Женщина в зеркале / Э. Шмитт — «Азбука-Аттикус»,
2011 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-24244-9

Эрик-Эмманюэль Шмитт – мировая знаменитость, это едва ли не самый читаемый и играемый на сцене французский автор. Впервые на русском языке новый роман автора «Женщина в зеркале». В удивительном сюжете вплетаются три истории из трех различных эпох. Брюгге XVII века. Вена начала XX века. Лос-Анджелес, наши дни. Анна, Ханна, Энни – все три потрясающе красивы, и у каждой особое призвание, которое еще предстоит осознать. Призвание, которое может стоить жизни.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-24244-9

© Шмитт Э., 2011
© Азбука-Аттикус, 2011

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	53
-----------------------------------	----

Эрик-Эмманюэль Шмитт

Женщина в зеркале

Eric-Emmanuel Schmitt

LA FEMME AU MIROIR

© Editions Albin Michel – Paris 2011

© Александра Ренье, перевод, 2013

© Г. Погожева, перевод, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013

Издательство АЗБУКА®

* * *

Эрик-Эмманюэль Шмитт – один из самых читаемых и играемых авторов. Его книги переведены на пятьдесят языков мира.

Высшая театральная премия Франции «Мольер» (1993, 2005)

Гран-При Французской Академии (2001)

Гонкуровская премия (2010)

Премия «Читающий Санкт-Петербург» (2010)

Ежегодный суммарный тираж его книг во Франции 500 000 экз.

«Оскар и Розовая Дама» Э.-Э. Шмитта в 2004 году была названа читателями книгой, которая изменила их жизнь наряду с Библией, «Маленьким принцем» и «Тремя мушкетерами».

* * *

Бруно Мецгеру

1

– Я чувствую, что я другая, – прошептала она.

На ее слова никто не обратил внимания. Матроны сновали вокруг нее, поправляя то фату, то тесьму, то бант, галантерейщица укорачивала юбку, вдова землемера надевала на ее ноги расшитые туфельки; девушка держалась неподвижно и чувствовала, что становится вещью – увлекательной, способной привлечь внимание соседок, но все же вещью.

Луч солнца проник через мансардное окно и наискосок пересек комнату. Анна улыбнулась. Золотистый свет нарушал полумрак мансарды, она стала похожа на подлесок, который осветила заря, только вместо папоротников были корзины с бельем, а вместо ланей – девушки. Несмотря на непрестанную болтовню, Анна вслушивалась в проникшее в комнату молчание; странное, безмятежное, плотное, оно шло издалека и сквозь пересуды кумушек доносило некое послание.

В надежде на то, что кто-нибудь из них расслышал его, Анна посмотрела по сторонам, но не поймала ни одного взгляда. Вынужденная терпеть их старания украсить ее, она не была уверена, не произнесла ли эту фразу вслух: «Я чувствую, что я другая». Что она могла добавить?

Через несколько часов она выйдет замуж, но с самого пробуждения она ощущала лишь приход весны, заставляющей раскрываться бутоны. Природа привлекала ее куда больше, чем жених. Анна догадывалась, что счастье там, – оно спряталось за деревом, словно заяц; она видела кончик его носа; ощущала его присутствие, его зов, его нетерпение... Она испытывала зуд в ногах – хотелось бежать, кататься по траве, обнимать стволы деревьев, полной грудью вдыхать воздух с витающей в нем пылью. Главным сегодняшним событием был сам день – прохладный, ослепительный, щедрый, – а не предстоящая свадьба. Ее грядущий союз с Филиппом казался ей ничего не значащим по сравнению с этим сиянием, с апрелем, что заполонил поля и леса, с новой силой, порождавшей крики кукушек, первоцветы, чертополох. Ей хотелось бежать из тесной комнатки, где шли приготовления к свадьбе, вырваться из рук, что пытались украсить ее, и броситься нагой в такую близкую речку.

Миновав оконный переплет, луч света натолкнулся на тень кружевной занавески на неровной побелке стены. Анна ни за что не посмела бы потревожить этот чарующий луч. Нет, даже если бы ей сказали, что в доме пожар, она бы не шелохнулась, сидя на этом табурете.

Она вздрогнула.

– Ты что-то сказала? – спросила ее двоюродная сестра Ида.

– Ничего.

– Ты мечтаешь о нем, да?

Анна опустила взгляд.

Это подтвердило подозрения Иды, и она, одолеваемая похотливыми мыслями, разразилась пронзительным хохотом. Последние недели она пыталась совладать с завистью, и ей это удавалось, лишь превратив ее в игривую насмешку.

– Анне уже кажется, что она в объятиях Филиппа! – провозгласила она сдавленным голосом. – Первая ночь будет жаркой. Не хотелось бы вечером оказаться на месте матраса.

Женщины заворчали, одни поддерживали Анну, другие порицали Иду за пошлость. Вдруг дверь распахнулась. Тетя и бабушка Анны величественно, как на сцене, вошли в комнату.

– Наконец-то ты увидишь то, что увидит твой муж! – в один голос воскликнули они.

Из сборок своих черных платьев они выхватили, словно кинжалы, две коробочки резной кости и осторожно приоткрыли их: в каждой было зеркало, оправленное в серебро. Их действия сопровождал изумленный шепот: присутствующие сочли, что стали свидетелями необыкновенного зрелища. В повседневной жизни зеркал попадались крайне редко, а если вдруг у кого и нашлось бы зеркальце, то оловянное, из шлифованного выпуклого металла, где отражение казалось запотевшим, неровным, тусклым; эти же зеркала были сделаны из стекла и отражали реальность в четких очертаниях и ярких красках. Послышались восторженные восклицания.

Волшебницы, потупившись, приняли заслуженные комплименты, а затем немедленно перешли к действию. Тетя Годельева встала перед Анной, а бабушка Франциска сзади, за ее спиной, каждая держала зеркало, как щит, на вытянутой руке. Сознывая всю важность момента, они торжественно объяснили девушке, что делать:

– В переднем зеркале отражается то, что сзади. Таким образом, ты сможешь увидеть, как ты выглядишь с затылка или в профиль. Помоги нам правильно встать.

Подошедшая Ида не скрывала зависти.

– Где вы взяли эти зеркала?

– Нам их одолжила графиня.

Все зааплодировали такой удаче: подобное сокровище могло принадлежать лишь знатной даме; торговцы даже не предлагали зеркала простолюдинам – куда такое бедноте!

Анна глянула внутрь круглого ободка, рассмотрела свое удивленное лицо, оценила замысловатые завитки светлых волос, уложенных в изящную прическу, удивилась, какая у нее

длинная шея и изящные ушки. Однако ее не покидало странное чувство: хотя ничего неприятного в зеркале не отражалось, увиденное было совершенно непривычным – она смотрела на незнакомку. Ее перевернутое изображение – в фас, сбоку или сзади – могло принадлежать и ей, и кому угодно другому; оно совсем не походило на нее.

– Ты довольна?

– О да! Спасибо.

Не отличавшаяся тщеславием Анна, отвечая на вопрос тетки, думала, что та спрашивает о зеркале.

– Ты что, не отдаешь себе отчета в том, как тебе повезло?! – рявкнула бабушка Франциска.

– Конечно отдаю, – возразила Анна, – мне очень повезло, что оно мне досталось.

– Да нет, я имела в виду Филиппа. Другого такого не сыщешь.

Соседки степенно закивали. Мужики в Брюгге большая редкость. Никогда еще в городе не было такого дефицита... Мужчины исчезли. Сколько их осталось? Один на двух баб? Может, даже один на трех. Бедная Фландрия была поражена странным недугом: нехваткой сильного пола. За несколько десятилетий мужское население на севере Европы снизилось настолько, что это уже вызывало опасения. Многим женщинам пришлось смириться с одинокой жизнью или уйти в монастырь; некоторые отказались от материнства; самые смелые, чтобы справиться с нуждой, овладели мужскими ремеслами – кузнечным или столярным делом.

Галантерейщица строго взглянула на приятельницу, расслышав в ее голосе упрек.

– Так было угодно Господу! – заявила она.

Бабушка Франциска вздрогнула, испугавшись, что ее могут обвинить в богохульстве.

– Разумеется, это Господь послал нам такое испытание! – торопливо исправилась она. – Это Господь призвал наших мужчин отправиться в Крестовые походы. Во имя Его они гибнут, сражаясь с неверными. Господь убивает их в море, на дорогах, в лесах. Господь убивает их на работе. Господь призывает их к себе раньше нас. Это по Его милости мы хиреем без них.

Анна поняла, что бабка Франциска ненавидит Бога; она выказывала скорее страх, чем обожание, описывая Его как грабителя, палача, убийцу. Анне, напротив, не казалось, что Бог таков или что Он действовал там, где виделся бабке.

– У тебя, милая Анна, все сложится как встарь: муж, много детей. Ты счастливица. К тому же твой Филипп не мужлан. Не так ли, дамы?

Те закивали, смеясь – одни от смущения, другие от возбуждения, – что кто-то интересуется их мнением по такому вопросу. Шестнадцатилетний Филипп был крепким фламандским парнем, с длинными ногами, узкой талией, широкими плечами, светлой кожей и лохматой копной волос.

Тетя Годельева воскликнула:

– А знаете, жених-то стоит на улице, поджидает невесту!

– Да ну?

– Он знает, что мы ее одеваем, он просто вскипел. Как вода на огне! Если бы от нетерпения можно было помереть, его бы уже давно в живых не было.

Анна подошла к окну; промасленную бумагу с рам уже сняли, чтобы впустить весну. Стараясь не заслонить свет, она наклонилась и увидела стоявшего на мостовой Филиппа, который весело болтал с друзьями, приехавшими из Брюгге в Сент-Андре, деревню, где жила бабка Франциска, в миле от большого города. Да, время от времени поглядывая на верхний этаж, он ждал ее, страстно и радостно. Анна с облегчением вздохнула. Она не должна сомневаться!

Анна жила в Брюгге уже год. До этого она знала лишь одинокую ферму на севере, где тяжелые облака придавили плоскую, вонючую, влажную землю; она жила там с теткой, ее мужем и дочерьми. Другой семьи у нее не было – мать Анны умерла при родах, так и не раскрыв имени ее отца. При жизни дяди девочка ни разу не покидала ферму, а когда тот помер, тетя

Годельева решила переехать в Брюгге, поближе к братьям. Недалеко оттуда их мать Франциска доживала дни в деревеньке Сент-Андре.

Для Годельевы переезд в Брюгге был возвращением к истокам, но для Анны, а также Иды, Хедвиги и Бенедикты – ее трех кузин – переезд стал настоящим потрясением. Из деревенских девчонок они превратились в горожанок, из девочек – в девушек. Ида, старшая, была намерена как можно скорее связать свою судьбу с мужчиной и атаковала имевшихся в наличии парней с почти мужским пылом и смелостью, что не принесло ей успеха. Так что работавший в обувной лавке Филипп, ответив на заигрывания Иды, решил покорить сердце Анны, даря ей каждое утро по цветку. Он без смущения признался Иде, что воспользовался знакомством, чтобы добраться до ее двоюродной сестры. Эта в общем-то банальная уловка сильно огорчила Иду, а радости Анне почти не доставила. Та смотрела на окружающих не так, как ее подруги: девушки распознали в подмастерье сапожника явного удальца, а Анна видела угловатого длинноногого мальчишку, смущенного своим новым телом, которое то и дело на что-нибудь натывалось. Филипп вызывал у нее жалость. Она угадывала в нем девичьи черты – волосы, нежные губы, бледная кожа. Во взволнованных интонациях его баритона ей слышался отзвук мальчишеского звонкого голоса. Идя вместе с ним на рынок, она отмечала признаки шаткого, изменчивого взросления; именно это ее и привлекало, ей вообще нравилось наблюдать, как растут цветы и деревья.

– Хочешь сделать меня счастливым? – как-то раз спросил ее Филипп.

Покраснев, она сразу искренне ответила:

– Да, конечно!

– Совсем счастливым? – умоляюще спросил он.

– Да.

– Будь моей женой.

Такая перспектива прельщала ее куда меньше: неужто и он туда же? Он рассуждал как ее кузина, как все досаждавшие ей люди. К чему эти условности? Анна с присущей ей непосредственностью попыталась уладить дело:

– А тебе не кажется, что я могла бы сделать тебя счастливым просто так, может, мне не обязательно выходить за тебя замуж?

Он с подозрением отодвинулся:

– Разве ты из этих девиц?

– О чем ты говоришь?

У юношей порой бывают непонятные реакции...

Почему его так поразили ее слова? Почему он хмуро уставился на нее?

Мгновение спустя Филипп с облегчением улыбнулся, решив, что в словах Анны нет подвоха. Он повторил:

– Я бы хотел на тебе жениться.

– Почему?

– Каждому мужчине нужна жена.

– Но почему я?

– Потому что ты мне нравишься.

– Почему?

– Ты самая хорошенькая и...

– И?..

– Ты самая хорошенькая!

– И что с того?

– Ты самая хорошенькая!

Поскольку она расспрашивала его не из кокетства, комплимент несколько не польстил ей. Вечером, вернувшись домой, она простодушно спросила тетушку:

– Что, всего-то и надо быть хорошенькой? Он красивый, я хорошенькая.

На следующий день она попросила Филиппа пояснить свою мысль:

– Почему ты и я?

– Ты и я – с нашей внешностью у нас будут замечательные дети! – воскликнул он.

Вот оно как, Филипп подтвердил то, чего она опасалась! Он говорил как скотовод, как фермер, спаривающий своих лучших животных, чтобы они размножились. Значит, это и есть любовь между людьми? И ничего больше? Если бы можно было поговорить об этом с матерью...

Производить себе подобных – неужто этого с таким нетерпением жаждали окружающие ее женщины? И даже необузданная Ида?..

Мечтательница Анна на предложение пожениться так и не ответила. Пылкий Филипп трактовал это кроткое молчание как согласие. Опьяненный своим счастьем, он принялся докладывать об их грядущем союзе каждому встречному-поперечному, рассказывая о своей удаче.

Анну поздравляли на улице, а она, удивленная, не опровергала. Потом ее поздравили кузины, и в том числе Ида, которая тешила себя мыслью, что очаровательная сестрица перестанет маячить на брачном рынке. И наконец, тетюшка Годельева, ликуя, захлопала в ладоши, потом, прослезившись, она успокоилась, что исполнила свой долг – привела к алтарю дочь обожаемой покойной сестры. И чтобы не огорчать эту добрую душу, Анна, загнанная в ловушку, была вынуждена молчать. Вот так из-за недомолвок недоразумение обрело привкус правды: Анна выходит замуж за Филиппа.

С каждым днем восторг родни казался ей все более нелепым, но, внушив себе, что, вероятно, не понимает чего-то важного, девушка позволяла осмелевшему Филиппу целовать и обнимать ее.

– Ты будешь любить только меня, и никого больше!

– Филипп, это невозможно. Я уже люблю других.

– Как это?

– Тетю, кузин, бабушку Франциску.

– А парня?

– Нет. Но я мало кого знаю, не успела познакомиться.

Когда Анна пускалась в подобные уточнения, он смотрел на нее пристально, недоверчиво, подозрительно; потом, поскольку она выдерживала его немигающий взгляд, раздражался хохотом.

– Ты пошутила, а я и поверил! Ты меня напугала, дрянная девчонка!.. Вот хитрюга! Умешь увильнуть, чтобы мужчина окончательно втюрился, увяз поглубже и думал только о тебе.

Не улавливая его логики, она не настаивала на разъяснениях, а Филипп после таких сцен приклеивался к ней, глаза сверкали, губы трепетали. Анна теперь уже испытывала удовольствие, тая в его объятиях; она полюбила его кожу, запах, упругое горячее тело; прильнув к нему в опьянении, она отстраняла сомнения.

Мансарду перечеркнула тень. Плотность воздуха изменилась.

Анна подскочила: Ида вдребезги разбила луч света. Будущая новобрачная ощутила боль в животе, будто ударом кулака кузина выпустила ей кишки. Анна с упреком воскликнула:

– О нет, Ида, нет!

Та остановилась, удивленная, готовая защищаться, царапаться, не понимая, что своими юбками стерла солнечный луч.

– Что? Что я сделала?

Анна вздохнула, понимая, что никогда не сможет объяснить ей, что она уничтожила бесценное сокровище, истинный шедевр, над которым небесное светило трудилось в комнате с

самого рассвета. Ничтожная Ида! Грубая и упрямая, она со своими непристойно широкими бедрами разрушила памятник красоты и даже не заметила этого.

Анна попыталась схитрить:

– Ида, а ты не хочешь посмотреться в оба зеркала? Встань на мое место.

Она обратилась к тете и бабушке:

– Я была бы рада, если бы мои кузины тоже смогли воспользоваться подарком.

Ида сперва изумилась, но потом встала рядом с Анной и умоляюще посмотрела на взрослых. Те было поморщились, но, тронутые сердечной простотой Анны, разрешили.

Хедвига, самая юная, тут же плюхнулась на табуретку:

– Давайте я!

Ида чуть было не столкнула сестру с места, но сдержалась, сознавая, что, как старшая, должна сохранять достоинство. Раздосадованная, она отошла к окну.

На Анну нахлынуло отвращение: Ида опять рассекла луч света, не замечая, что тот скользит по ее груди и лицу. Она его не чувствовала. Ну что за животная тупость!

Увидев стоявшего на улице Филиппа, Ида улыбнулась, но через мгновение опять нахмурилась:

– Он не сильно обрадовался. Он выглядывает тебя, а не меня.

С потухшим взглядом, искаженным лицом, Ида с трудом перевела дух. Склонившись к ней, Анна, заметив ее страдания, протянула руку к кузине и тихо сказала:

– Я бы тебе его отдала...

– Что?!

Ида подскочила, она была уверена, что ослышалась.

– Я бы с удовольствием отдала Филиппа тебе...

– А?

– ...если бы он не был влюблен в меня.

Анна думала, что сказала что-то приятное.

Раздался звук пощечины.

– Дрянь! – прошипела Ида.

Анна, ощутив, как жжет щеку, поняла, кому досталась пощечина: Ида ударила ее. Женщины, прервав разговор, обернулись.

– Соплячка, ты так уверена, что меня никто не захочет?! Я тебе покажу, что ты не права! Я докажу это! Вот увидишь, десятки мужчин будут у моих ног. Сотни!

– Достаточно одного, – мягко поправила ее Анна.

На нее обрушилась вторая оплеуха.

– Черт возьми! Ты опять за свое! Ты уверена, что мне и одного не видать! Вот дрянь! Злючка!

Тетя Годельева вмешалась:

– Ида, успокойся!

– Мама, Анна просто вывела меня из себя. Она утверждает, что я мерзкая уродина!

– Вовсе нет. Я согласна с Анной – она высказала то, что я думаю: одного мужчины вполне достаточно, тебе вовсе ни к чему соблазнять ни десяток, ни тысячу.

Ида с вызовом посмотрела на мать, словно желая сказать: «Говори-говори, там видно будет!» Годельева, вздернув подбородок, потребовала:

– Извинись перед Анной!

– Никогда!

– Ида!

Ида, покрасневшая от гнева, с проступившими на шее жилами, заорала:

– Да лучше сдохнуть!

Передав зеркальце вдове землемера, Годельева ринулась к дочери. Ида отступила; она бесстрашно пересекла комнату и согнала младшую сестру с табуретки, заявив:

– Теперь моя очередь.

Избегая открытого столкновения с раздраженной дочерью (эту схватку она бы проиграла), Годельева велела приятельницам подчиниться. Затем она обратилась к племяннице:

– Анна, мне кажется, Ида тебе завидует. Она надеялась первой выйти замуж.

– Знаю. Я ее прощаю.

Тетя поцеловала девушку:

– Ах, если бы у Иды был твой характер...

– Она станет лучше, когда получит то, чего желает. Когда-нибудь она избавится от злобы.

– Надеюсь, ты права! – сказала Годельева, ласково прикоснувшись к виску Анны. – Во всяком случае, мне и радостно и горько. Мне горько оттого, что я реже буду тебя видеть. И радостно, что ты нашла хорошего парня.

Спокойный голос тети Годельевы описывал ее судьбу. Анна приободрилась, мучившие ее вопросы утратили остроту. Успокоившись, она подставила лицо прохладному воздуху.

На карниз присел мотылек. Его крылышки – снизу лимонно-желтые, а сверху зеленые – вздымались, будто он дышит. Опустившись, чтобы привести себя в порядок, насекомое, не подозревавшее, что за ним наблюдают, потеряло хоботок передними лапками. Анна зачарованно глядела на него: ей казалось, что крылья мотылька вобрали в себя весь небесный свет; сосредоточившись в крошечном насекомом, он словно бы попал в заточение. Мотылек блистал, а все, что его окружало, серело на глазах.

– Какой красивый! – с дрожью в голосе сказала Годельева.

– Не правда ли?! – прошептала Анна, обрадовавшись, что может разделить свое восхищение с тетей.

– Изумительный! – подтвердила Годельева.

– Я могла бы часами его разглядывать.

Годельева пожала плечами:

– Анна, это тебе и предстоит. Отныне это твое право. Более того, твоя обязанность.

Анна повернулась к тетке, озадаченная. Та продолжила:

– Ты будешь принадлежать ему, а он тебе.

Анна улыбнулась. Как это? Она будет принадлежать мотыльку... который будет принадлежать ей? Что за волшебство ей предлагают? Это уж точно лучшая новость дня. Лицо девушки разругалось в нетерпении.

Годельева, растрогавшись, обхватила ладонями щеки племянницы.

– Как ты его любишь! – воскликнула она. Повернувшись к окну, она указала на маячившую вдалеке фигуру. – Надо признать, эта шляпа ему очень идет.

Анна в смятении обратила взор в ту сторону, куда глядела Годельева, и увидела Филиппа в фетровой кепке с пером. Она вздрогнула. «Я просто ненормальная», – подумала она. Все не так! В окно можно было увидеть и Филиппа, и мотылька, но невеста смотрела на мотылька, а тетушка – на жениха Анны.

– Что такое? Что это за пятно? – вдруг выкрикнула Ида.

Сидя на табурете, бледная от ярости девушка показывала пальцем на зеркальце, которое держали перед ней. Опасаясь припадка, бабушка Франциска сунула второе зеркальце в карман.

– Ничего. Тебе что-то померещилось. Там ничего нет.

– Тогда не убирай зеркало.

Перепуганная бабушка вернула зеркальце на прежнее место. Ида заметила, что у нее сзади на шее фиолетовое родимое пятно. О существовании этого пятна было известно всем, кроме нее.

– Ах, это отвратительно! Ужасно!

Ида вскочила, кипя от ярости. От удивления бабушка Франциска разжала руку. Что-то упало на пол. Послышался звон бьющегося стекла. Звуку вторило изумленное молчание.

Зеркало разбилось. Серебряная рамка уцелела, но из нее торчали разрозненные осколки, которые, словно в безумном беспорядке отражали разные уголки комнаты. Франциска застонала. Годельева бросилась к ней:

– Боже мой, что скажет графиня!

Женщины, затаив дыхание, склонились над осколками, будто над покойником. Ида кусала губы, не зная, что оплакивать – родимое пятно на затылке или разбитое зеркало.

Женщины тихо совещались, уверенные, что графиня может их слышать.

– Нужно найти кого-нибудь, кто сможет его починить.

– Но где? Здесь, в Сент-Андре, нет никого, кто...

– Кажется, я знаю. В Брюгге есть художник...

– Не будьте дурами: сперва мне придется во всем признаться.

– Скажешь ты правду или нет, все равно придется покупать новое зеркало.

– Боже мой, но как?

– Я заплачу за зеркало, – заявила Франциска. – Мы у меня дома, и уронила его я.

– Потому что Ида тебя напугала...

– Я заплачу, – повторила старуха.

– Нет, я! – возразила Ида.

– А деньги где взять? – проворчала Годельева.

Когда они обсудили все варианты, зазвонил пузатый деревенский колокол, напоминая им, что венчание вот-вот начнется.

Годельева подняла голову:

– Анна?

Девушка не отвечала. Годельева, вздрогнув, велела:

– Анна, иди сюда!

Женщины осмотрели мансарду, затем весь этаж: невесты нигде не было.

– Небось помчалась к своему любезному, – заключила бабушка Франциска.

Годельева подняла с пола пару туфель.

– Без сабо?

Вдова землемера указала на свой подарок, валявшийся у лестницы:

– И без расшитых башмачков, которые я ей одолжила?

Ида кинулась к окну:

– Филипп все еще ждет внизу.

– Тогда где же Анна?

Женщины переходили из комнаты в комнату, выкликая девушку. Спустившись на первый этаж, Годельева открыла заднюю дверь, выходившую на луг, и обнаружила на влажной земле следы босых ног, терявшиеся в траве, что тянулась до самого леса.

– Не может быть! Сбежала?!

Следы, далеко отстоявшие друг от друга, хранили лишь форму пальцев ног. Похоже, Анна воспользовалась происшествием с зеркалом: она спустилась с крыльца, легко пробежала через луг к лесу и скрылась.

2

Лаго Маджоре, 20 апреля 1904 г.

Дорогая Гретхен!

Нет, милая, ты не ошиблась, тебе пишет именно Ханна, твоя Ханна. И если ты посмотришь на приложенный к письму портрет, то рядом с одетым по-царски сияющим молодым

мужчиной ты под экстравагантной многоярусной шляпой увидишь коротышку со смущенной улыбкой: это вновь я. Да, можешь прыснуть со смеху. А, уже смеешься? Ты не ошиблась, я глупа. Чего же ты хочешь? У Франца есть два недостатка, которые он скрывал от меня до свадьбы: он обожает шляпы и коллекционирует воспоминания. Что в результате? Побывав у модисток, он превратил меня в клетку с птицами, в девушку с фруктовой корзиной на голове, в вазу с цветами, в грабли, собравшие урожай лент, словом, в расфуфыренный павлиний зад, а затем радостно повлек к фотографу, чтобы увековечить мое посмешище.

Чтобы таскать на голове подобные сооружения, следует быть или более уродливой – вроде нашей тети Августы, чей крючковатый нос только выиграл бы, затененный фетром, – или красавицей вроде тебя! Но Францу так нравятся шляпы, что он не замечает, что этим шляпам совсем не нравлюсь я.

Итальянская графиня, которой я в Бергамо поведала эту драму, поправила меня, сурово уточнив:

– Вы принижаете себя, дитя мое. Франц вас боготворит до такой степени, что не замечает, что шляпы вам не идут.

Признаю, это суждение привело меня в замешательство. В последнее время меня все задевает, оскорбляет, расстраивает, столько новых для меня ситуаций...

Но тебя, вероятно, интересует, как проходит наш медовый месяц?

Наверное, мне следует ответить, что это идиллия. Франц великолепен, нежен, предупредителен, щедр, мы чудно развлекаемся. Покинув полгода назад Вену, мы исколесили Италию, нанизав на нить нашего путешествия величественные города, пленительные деревушки и внушающие священный трепет соборы. Не будем забывать, что Апеннинский полуостров испокон веков безмерно чарует молодоженов: музеи, переполненные шедеврами, отели со свежестроенными номерами, восхитительная кухня, отменное мороженое, чувственное солнце, зовущее к сиесте, слуги, заговорщически поглядывающие на любовников.

Словом, мой медовый месяц бесподобен. Но соответствую ли я этому медовому месяцу?

Да-да, все верно, моя Гретхен, та, что пишет эти строки, не знает, что и думать. Боюсь, что со мной что-то не так, – я другая. Отчего я не могу довольствоваться тем, что привело бы в восторг любую другую девушку?

Я попытаюсь объяснить тебе, что со мной происходит, а попутно, быть может, и сама пойму. Для меня детство длилось долго. В то время как ты, моя дорогая кузина, уже была замужем, выкармливала троих младенцев, я упорно оставалась девчонкой и задирала юбки лишь затем, чтобы носиться по полям или перепрыгивать через ручей; я совершенно не воспринимала себя как женщину; при встрече с юношами я испытывала лишь любопытство.

И это доставляло мне радость...

В конце концов – поскольку вокруг твердили, что лишь в объятиях мужчины мне суждено достичь полноты существования и потом когда-нибудь исторгнуть из своего чрева малюток, я – чтобы покончить с упреками – придумала себе роль. Я превратилась в снобистски настроенную девицу, согласную выйти замуж только за человека высокого рода. И хотя я ломала комедию лишь из чувства самосохранения, чтобы отвергать претендентов, это сыграло мне на руку: я выгадала время и потом встретила Франца Вальдберга.

Помнишь, в Женеве мы видели те невероятные армейские складные ножи, где, кроме самого лезвия, имелись еще консервный нож, отвертка и шило? Эти ножи так нравились всем. Так вот, появился Франц! Это не мужчина, а швейцарский ножик. У него масса достоинств: он представительен, богат, умен, чувствителен, благороден и учтив. Короче, партия, от которой невозможно отказаться.

Может, я вышла за него из гордости?

Боюсь, что в действительности все обстоит куда хуже. Я соединилась с Франком по расчету. Стоп! Речь идет не о длительной, тщательно продуманной интриге и не о честолюбивых планах – это был расчет, основанный на безнадежности.

Когда он попросил моей руки, я решила, что если уж я с ним потерплю неудачу, то вряд ли мне еще так повезет. И я вышла за него замуж, будто пробуя, не поможет ли это лекарство.

Лекарство от чего? От себя самой.

Я не умею быть современной женщиной. Меня так мало интересуют вопросы пола, мужчины, дети, украшения, мода, домашний очаг, кухня и... моя собственная ничтожная персона. Женственность требует поклонения себе, своему лицу, фигуре, волосам, наружности, но кокетство мне чуждо, одеваюсь я кое-как, пренебрегаю косметикой, ем мало. Видя себя нелепо разряженной на фотографиях из коллекции Франца, я упрекаю себя лишь в том, что не довела это до гротеска, потому что тогда это было бы откровенно забавно.

Ты веришь мне? Каждое утро я наряжаюсь дамой. Эти юбки, корсеты, шнуровка, километры лент и тканей, которые я навьючиваю на себя, кажутся мне нелепыми, у кого-то заимствованными. Нет-нет, успокойся, я вовсе не мечтаю превратиться в мужчину. Девчонка, заблудившаяся в стране женщин и пытающаяся изображать из себя взрослую даму, я чувствую себя самозванкой.

Итак, какова была первая брачная ночь? – спросишь ты. С таким настроением от меня всего можно было ожидать... Опыт прошел успешно. Франц был доволен. В меру собственной осведомленности о том, что мне предстоит, я исполняла гимнастические упражнения, реализуя на практике изученный материал, стараясь совершать правильные движения, хотя порой наши действия представлялись мне оскорбительными. Наутро я испытывала трепет удовлетворения: я сдала экзамен. Проблема в том, что потом мне не удалось подавить чувство гордости. Хотя Франц мне нравится, у него нежная кожа, тело приятно пахнет, его нагота меня не слишком впечатляет. Умом я понимаю тот голод, что толкает его ко мне, эти влажные глаза, эти стремящиеся поглотить меня губы, содрогание рук и ног, хриплое прерывистое дыхание, этот пыл, с которым он каждый день в постели сжимает меня в своих объятиях, порой по несколько заходов; меня зачаровывает его желание, оно не вызывает раздражения; это даже льстит мне.

Но я его не разделяю.

Я никогда не испытываю по отношению к нему подобных порывов.

Я отдаюсь Францу из доброжелательности, из альтруизма, из любезности, ведь я решила, что буду исполнять его желания, насколько это возможно.

Я исполняю свои обязанности как домработница. Мною движет не жажда, не мучительное желание; происходящее почти не доставляет мне удовольствия, разве что удовлетворение от дарованной милости или приятное ощущение, когда, пресытившись, этот сильный мужчина засыпает у меня на плече.

Гретхен, скажи, нормально ли это? В детстве мы с тобой были так близки, что я могу себе позволить задать этот неловкий вопрос. Ты не только старше меня на десять лет, ты гораздо мудрее. Скажи, разве между тобой и Вернером есть подобное несоответствие? Неужто удел женщины – внушать вожделение, но не испытывать его самой?

Через неделю я возвращаюсь в Вену, где уже должно быть готово наше семейное гнездышко. Пиши мне туда, Гретхен.

Конечно, я предпочла бы присоединиться к тебе в Инсбруке и проводить время с тобой, но я прежде всего должна разыгрывать хозяйку дома, докупать мебель, выбирать цветы, заставить слуг признать себя, раздавая наобум указания, чтобы упрочить свой авторитет. И безбоязненно встречать членов мужниной семьи... Очевидно, внимание аристократов в первую очередь привлечет мой живот – им ведь необходимо знать, не завелся ли в моем пузе маленький Вальдберг, наследник, что возместит расходы на дорогостоящее путешествие. Но мой живот – он плоский, более плоский, чем перед свадьбой, то есть пустой; вся эта ходьба, переезды и наши

упражнения в спальне лишь усугубили мою худобу. В отеле, по окончании ужина, как только Франц отправлялся вместе с мужчинами в курительную комнату, я поднималась в наши апартаменты, раздевалась перед зеркальным шкафом и вглядывалась: никаких признаков! Заранее страшусь увидеть опечаленные физиономии родителей, тетюшек и дядюшек Вальдбергов. Заметь, они будут правы: я женщина, не оправдавшая надежд.

Подписываюсь под таким определением.

Не забывай меня, моя Гретхен, и пиши мне, даже если ты сочтешь меня простушкой.

Обнимаю тебя. Передавай привет Вернеру. А сыновьям пока ничего не говори, я везу им венецианские маски.

До скорой встречи,

Твоя Ханна

3

Завидев ее среди танцующих, Энни подумала: «Это что за шлюха?» Потекший макияж на вспотевшем лице, грудь, втиснутая в бюстье из лайкры, обрывок ткани вокруг бедер вместо юбки, – она казалась путаной, нанятой на вечер. К тому же из дешевых! Энни при виде обнаженных бедер, сверкающих пайеток, сапог на высоченных каблуках, что резко подчеркивало ягодичцы, решила, что это одна из тех, чье фото помещают в бульварных листках в разделе «Эскорт».

Но из-за злополучного соседа, возомнившего себя королем танцпола, Энни поскользнулась, замахала руками и едва не упала вперед, в последний момент устояв на ногах; и по симметричным движениям, которые проделала бабища напротив, она поняла, что это она сама отразилась в зеркале.

Узнав себя, она заржала.

Это ее позабавило.

В обычное время она никогда бы не проявила подобного чувства юмора, но теперь – при таком количестве выпивки и антидепрессантов – ее смешило все. Она адресовала своему двойнику в зеркале заговорщический жест, он ответил тем же, Энни приосанилась и продолжала весело дрыгать ногами в исступлении. Динамики исторгали плотный оглушительный шум. При такой громкости полуночники подвергались воздействию звуков, тембров, ритмов, как пловцы, вымотанные накатывающими волнами во время шторма. Впрочем, они пришли сюда, чтобы расслабиться, а не оценивать музыку. Они воспринимали композиции не ушами, а через ступни, грудь, обезумевшее сердце, которое гнало кровь, повинаясь ритму ударных. Энни уставилась на шар под потолком. Она обожала это ночное солнце! Капризное солнце. Солнце, способное взорваться. Солнце, которое вращалось все быстрее. И хотя она бы первая поклялась, что нет ничего старомоднее, чем оклеенные зеркальными осколками шары, отражавшие свет прожекторов, посещала она только те ночные клубы, где был такой шар. Здесь, в «Рэд-энд-Блю» на Сансет-бульваре, куда она нынче зачастила, ей очень нравился этот шар; самый фееричный, самый большой, он пробивал тьму, мечя разноцветные стрелы, проникавшие в самые отдаленные уголки зала. Здесь, под ним, Энни могла танцевать часами.

«Явится он или нет?»

Разволновавшись, она на какое-то время перестала дрыгать ногами, изумляясь тому, что происходило у нее в мозгу: она кого-то ждала. Она! Энни, самая несентиментальная девушка во всей Калифорнии, в кого-то втрескалась... Феноменально... Вот так новость! С тех пор как она встретила с Дэвидом на съемках, она знала, в Лос-Анджелесе живет парень, достойный того, чтобы его ждали, подстерегали, жаждали. Вот это метаморфоза!..

Она покинула танцпол и подошла к бару, залитому голубым, как в аквариуме, светом.

– Ну что, Энни, – спросил бармен, – как дела? Тип-топ?

– Ну да, как всегда, тип-топ!

Оба они думали совсем о другом. Бармену новости Энни были до лампочки, он просто профессионально поддерживал разговор со звездой, тогда как сама Энни понимала, что далека и от пика формы, и от вершины своей карьеры. Просто на пике своих каблуков-шпилек.

– Джин-тоник?

– Ты силен – угадал: ты меня просто насквозь видишь!

Реагируя на шутку, он подмигнул в ответ, переигрывая, как плохой актер в комедийном сериале.

– И чего ждет этот кретин? – проворчала Энни, пока бармен демонстративно широким жестом смешивал коктейль. – Что я представлю его какому-нибудь продюсеру, чтобы он получил роль? Да таких тюфяков в Эл-А тысячи! Уже нельзя ничего заказать без того, чтобы в ресторане, баре или отеле какой-нибудь прихлебатель не возомнил себя Брэдом Питтом. Все, кроме меня, актрисы, рвутся сыграть роль.

Она улыбнулась: и правда, она никогда не стремилась сделать актерскую карьеру. Она начала сниматься, когда ей было пять лет, в рекламных роликах, затем снялась в нескольких полнометражных фильмах, чтобы доставить матери удовольствие, и наконец в две тысячи пятом комедия для широкой публики «Папа, я беру твою машину» взорвала летние чарты, превратив ее в звезду. Энни Ли, любимица Америки! На самом деле она была послушной, выполняла все указания, терпела, но не успела пожелать того, что с ней случилось.

Уставившись в бокал, Энни подумала, что Дэвид, если появится в клубе, вряд ли будет сильно рад видеть пьяную вдрызг девицу; затем, словно одна эта мысль укрепила ее добродетель, она без угрызений совести выпила залпом свой коктейль.

Бармен подмигнул:

– Еще один?

– Почему бы и нет!

Хотя Энни, наверное, уже в тысячный раз произносила эти слова, ей казалось, что она импровизирует, блещет остроумием, сыплет на редкость искрометными репликами. Кстати, отчего это у бармена поблескивают глазки?

Может, дело не в ее остроумии...

«Черт! Неужто я с ним когда-то переспала?»

Она уставилась на бармена. Невозможно вспомнить. Конечно, этот латинос казался ей знакомым... Но почему? Она его здесь уже видела или же они факнулись?

Когда он отошел, она обратила внимание на крепкие ягодицы, обтянутые джинсами. «Точно. Я с ним переспала!» Она засмеялась. «Зачем еще вкалывать в ночном клубе, если не затем, чтобы трахать хорошеньких девушек? Всем известно, что барменам это куда больше по вкусу, чем чаевые».

Она вдруг осознала, что помнит свои поступки настолько смутно, что ей, будто полицейскому, приходится задавать самой себе наводящие вопросы, чтобы установить, перепихнулась она с работником ночного клуба или нет. Ее амнезия показалась ей забавной.

«Я уже столько всего перепробовала, все и не упомнишь. В двадцать лет у меня за плечами тысяча жизней».

Она взглянула на зеркальный шар.

«Но теперь все будет иначе. С Дэвидом такое больше не повторится. Потому что на этот раз речь идет о любви. Это настоящая любовь, которая сотрет все предыдущие грязные, жалкие интрижки, лишённые будущего».

Она вздохнула.

Сначала с восторгом.

Затем с тревогой. А способна ли она на это? Достанет ли у нее мужества пойти Дэвиду навстречу?

Ее охватила паника. Через несколько секунд внутри все дрожало, кожа покрылась испариной. Соскользнув с табурета, она поймала шаткое равновесие на каблуках и, покачиваясь, направилась в туалет.

«Мне нужно прийти в себя. Скорее! Иначе я даже „здрате“ не смогу из себя выдавить при виде Дэвида».

На полпути к туалету ей чуть полегчало; шум остался наверху, сюда сквозь перегородки доносились лишь отголоски, приглушенные отзвуки. Покинув дико громогласный и слепящий глаза танцпол, она погрузилась в ватные внутренности подземелья дискотеки, где царила иная атмосфера: лабиринт стенок и коридоров, влажность, запахи тела, полумрак.

В красном свете, превращавшем тела в силуэты, она разглядела знакомые лица – Боб, Робби, Том, Присцилла, Дрю, Скотт, Тед, Лэнс... Она приклеилась к Бадди, который, несмотря на белую кожу, был в негритянском прикиде: свободные штаны, яркая цветная рубашка, на голове дреды.

– Бадди, ты приготовил десерт?

– Да, милая. Меренгу.

– Отлично.

– Сколько дашь?

Она вытащила из стрингов банкноту.

– Сотню баксов.

Он протянул ей пакетик:

– Держи.

Понимая, что ее надувают, она, не поблагодарив, схватила пакетик с кокаином и заперлась в туалетной кабинке.

Из крошечной сумочки, золотой петлей обхватывавшей ее левое запястье, она достала зеркальце, соломинку, высыпала порошок на зеркальце и втянула.

– Ах!

Теперь она готова к встрече с Дэвидом, у нее хватит энергии: уф, ей только что удалось спасти свою следующую любовную авантюру.

Идя обратно по коридору, она подсчитала, что переспала почти со всеми парнями, стоявшими вдоль стены и говорившими по мобильнику. Приободренная Энни улыбнулась им мимоходом. Ответили далеко не все. Она возмутилась: «Я с ними трахалась, а они даже на „привет!“ не расщедрились! Вот ничтожества...» Ни одному из них не удалось ее удержать. И ни один не стал сражаться, чтобы покорить ее. Почему? Она споткнулась – какую-то девушку рвало – и ухватилась за первое, что подвернулось под руку. Это был Том, брюнет с ухоженной, якобы натуральной трехдневной щетиной; он выдавал себя за гуру медитации, что позволяло клеить десятки баб. Энни как-то пару ночей пополняла его коллекцию.

– А-а, Том! Ты кстати. Скажи, хороша я в постели?

Он свистнул, будто его попросили решить алгебраическую задачу.

– Не усложняй себе жизнь, Энни.

– То есть?

– Ну, в постель тебя затащить несложно.

Он потер подбородок: уравнение попало не из легких.

Она настаивала на ответе:

– Какая оценка?

– Средний балл.

– Не больше?

– Средний – это уже прилично.

– Ни хорошо, ни плохо. Почему бы не поставить повыше?

– Потому что тебе это не нравится, цыпоська.

Последнюю фразу Том произнес с нажимом. Видя, что до нее не дошло, он пояснил:

– Ты ведешь себя как шлюха, но ты не шлюха. Просто выработала привычку.

– Привычку?

– Трахаться. Никому не отказывать. Оценка от этого не повышается.

– Дурак! А тебе не приходило в голову, что это у тебя средний балл, я бы даже сказала, посредственный?

– Ну, хвастаться не буду, но я слышал другое...

Он удалился, сочтя, что разговор закончен. Энни закусил губу: она знала, что у девушек Том пользовался репутацией классного любовника; кстати сказать, именно поэтому она его и подцепила.

«С Дэвидом нельзя сразу в койку. Надо держаться! Сопротивляться!»

Единственный вывод, который она извлекла из этого разговора.

Она не решалась вернуться на танцпол, боясь, что почерпнутая из наркотика энергия израсходуется на танец. Не лучше ли прикинуть, что говорить Дэвиду? Решив действовать иначе, чем в другие дни – или ночи, она направилась к бару и в течение часа не отходила от стойки, твердя себе: «Не спать с ним сегодня, не спать с ним в первый вечер, ни во второй, ни в третий». Уверенная в том, что изрядно укрепила добродетель, она недрогнувшей рукой влила в себя несколько порций джина с тоником, возбуждаясь с каждым глотком. Так что, когда перед ней появился Дэвид, Энни была пьяна в стельку и смогла лишь расхохотаться.

– О, Дэвид, это невероятно! Только подумала о тебе, и – бац! – ты передо мной! Вот уж не подозревала, что у меня есть колдовские способности.

– Особенно если учесть, что ты сама назначила мне здесь встречу.

Она закудаhtала, как будто он произнес нечто очень остроумное.

– Присядь, выпей.

– Почему бы и нет, в конце концов?

– Дэвид, какой ты забавный...

– Ты здесь часто бываешь?

Установка не выглядеть доступной девицей еще не выветрилась из головы, и она с апломбом заявила:

– Нет. Я здесь второй раз.

Он кивнул:

– А куда ты обычно ходишь?

– Сiju дома. Никогда особенно не любила вечеринки. В таких местах, скорее, теряешь время, так ведь? Да и к тому же что я здесь забыла?

– Парней?

– Я с ними и так где угодно могу познакомиться, ты сам это можешь подтвердить, – лукаво заметила она.

– Наркотики?

– Мм... Не для меня.

– Алкоголь.

– Попал!

Несмотря на свое состояние, она сообразила, что не стоит скрывать, что выпила. Сошурившись, он подвел итог:

– Стало быть, ты нечасто развлекаешься?

– Редко.

Он улыбнулся, не польстившись на наживку:

– В прессе пишут другое.

Он имел в виду желтую прессу. С тех пор как Энни исполнилось пятнадцать, там то и дело расписывали ее похождения, публиковали фотографии (она в подпитии у входа в какой-

то ночной клуб), сообщали о том, что ее задержала полиция и при ней нашли запрещенные препараты, перечисляли мужчин, которые с ней расстались, не в силах следовать безумному ритму ее загулов.

Энни подавилась глухим смешком:

– Не будь наивным, Дэвид. Хотя ты и новичок, но алфавит уже освоил: между съемками необходимо давать пищу для сплетен. В этих статейках нет ни слова правды. Это мизансцена. Я просто играю то, что прописано Джоанной, моим рекламным агентом: обо мне должны судачить.

– Но то, что они пишут, убийственно...

– Да, но зато это у всех на устах! – воскликнула она, злясь, что он ей не верит, хотя ей казалось, что ее версия вполне убедительна. – Если бы я в шестнадцать лет защитила докторскую диссертацию по физике, или ставила уколы прокаженным, или начала голодовку, чтобы ускорить канонизацию Барака Обамы, то ни одна газетенка мной не заинтересовалась бы, ни одна читательница не смогла бы представить себя на моем месте, никто не стал бы глазеть на мои ноги! Хорошая репутация... Глупости! Это никогда не сработало бы.

Ее понесло. Однако Дэвида это не смутило; наоборот, он громко смеялся.

– Настоящая Энни, – плаксиво продолжала она, – прячется, защищается. Ее никто не знает. Ее сможет узнать лишь тот, кто ее полюбит. Этот мужчина будет единственным, первым и последним.

Слезы брызнули у нее из глаз, она закрыла лицо руками и поникла. В этот момент у Энни возникло ощущение дежавю; она поняла, что только что воспроизвела сцену из мелодрамы, в которой снялась, когда ей стукнуло шестнадцать, – «Девушка из бара напротив». Она тут же умолкла. Ну и ладно, фильм не имел успеха, но кто может гарантировать, что Дэвид его не видел? Если он догадается, что ее слова – отрывка той роли, то не поверит ей. К тому же критики в свое время писали, что жалобы и слезы ее портят; она и сама себе не понравилась на экране с покрасневшими веками и припухшим носом.

Она отерла слезы и хихикнула:

– Попался! Я уже давно научилась разыгрывать номер «пьяная пай-девочка с раненым сердцем».

– Я чуть было не попался.

Успокоенный, он наклонился к ней, удержавшись на табурете. Ее восхитила его способность держать равновесие – ей самой не удавался подобный трюк.

Трезвенник скользнул упругими губами по ее шее, поднялся к уху, слегка прикусил мочку, а затем обольстительно прошептал:

– Я хочу тебя.

Она в смятении задумалась, вспомнив свое твердое решение говорить «нет».

– Пойдем! – выпалила она, схватив его за руку.

Дэвид последовал за ней, думая, что она ведет его в какой-то укромный уголок. Однако, преодолев нескончаемую металлическую лестницу, они попали на мостик, откуда был хорошо виден весь зал; он представлял собой коридор, затянутый сеткой, по которому перемещались электрики и звукоинженеры.

– Почему здесь?

– Дэвид, давай разыграем сцену из фильма пятидесятих годов. Знаешь, когда плейбой в смокинге встречает женщину в золотистом длинном платье.

– Ты видела свое длинное платье? – хмыкнул он, указывая на полоску, обтягивавшую ее ягодицы. – Похоже, оно малость село при стирке.

– Дэвид, пожалуйста, немного романтики. Ты что, совсем не романтичный?

Он вздохнул, нахмурившись:

– Ты считаешь, что назначила мне встречу в романтическом месте?

Пожав плечами, она указала пальцем на огромный складской ангар, переделанный в ночной клуб:

– Это место может быть всем, чем угодно. Нужно только включить воображение. Смотри, например, вот этот кабель...

– Да?

– Так вот, стоит мне захотеть – он превратится в лиану. А дискотека – в джунгли.

– Ага, – лицемерно поддакнул он. – Я – Тарзан, ты – Джейн. Тут твой костюм почти к месту. Удалим еще несколько деталей.

Он живо придвинулся к ней, приподнял топ, обнажив живот, к которому тут же прижал свои горячие ладони. Она завелась и уже была готова его обнять, но заставила себя следовать клятве мудрости.

– Смотри! – с восторгом воскликнула она, отступая от него и поправляя топ.

В одно мгновение Энни перелезла через ограждение, схватила кабель, свисавший с колонны, потянула его... и бросилась вниз с обезьяньим воплем:

– А-а-а-а... хи-хо-хи-ха... а-а-а-а!

Легкая, воздушная, Энни бесстрашно летала над танцполом. Она освободилась от всего: от прошлого, от своей слабости, от самой себя. Она чувствовала себя героиней. У Дэвида это точно должно было вызвать восхищение.

Поскольку кабель раскачивался все сильнее, Энни с победным кличем задела зеркальный шар. Услышав ее вопль и заметив подвижную тень, посетители клуба подняли головы. Танцующие сбились с ритма. Все задавались вопросом, почему эта девушка в сапогах висит, раскачиваясь на тросе. Может, это новый аттракцион?

Музыка смолкла, внезапная тишина привела толпу в состояние ступора.

Все отчетливо различили эйфорические выкрики Энни, истерически громко комментировавшей каждый пролет: до присутствующих дошло, что это не новый спектакль, а опасная фантазия пьяной девицы.

Всем, кроме Энни, было очевидно, что раскачивающийся маятник скоро швырнет ее прямо в шар.

– Скорее! Звоните пожарным! – заорал бармен.

Энни помахала ему:

– Ку-ку!

Этот акробатический трюк сильнее раскачал кабель, что ускорило столкновение. Видя, что ее обожаемый шар приближается, Энни закричала, словно мать, воссоединившаяся с обожаемым чадом:

– О мой шар, мой милый, любимый шарик!

Она с размаху врезалась в него, издав вопль победителя ринга. Выпустив трос, Энни обхватила шар.

Зрители затаили дыхание.

Шар закрипел, казалось сопротивляясь неизбежному, затем разом сорвался с потолка и рухнул, увлекая за собой Энни.

К счастью, танцующие успели расступиться.

Шар разбился о танцпол.

При виде едва заметных подрагиваний тела, сопровождавшихся хриплыми рычащими звуками, первые прибывшие на место происшествия спасатели решили, что лежащая на спине умирающая стонет от боли, но, склонившись над ней, тотчас поняли, что развалившаяся среди зеркальных осколков Энни весело смеется.

4

Едва Анна добралась до опушки леса, как все сомнения отпали.

Идти.

Вперед.

Бежать, когда лес поредет. Живо перескакивать через ручейки. Избегать ферм. Прятаться, если птицы смолкнут, заслышав человека.

Затаиться в кустах. Задержать дыхание. Не дрожать при появлении зайца или белки. Не попадаться на пути кабанов. Выжидать, когда браконьер уйдет. И снова бежать, положившись на удачу, так как глазами невозможно уследить за тем, куда ступают ноги.

Так она мчалась, полагаясь скорее на инстинкт, чем на разум, тело ее вытягивалось, ноги поднимались, отрываясь от земли. Листва и ветви уже не задерживали ее, они отступали, не хлеща, а лаская ее лицо. Крапива щадилась. Не ведая ни страха, ни усталости, девушка мчалась вперед, уверенная, что лес – ее союзник. Сколько часов это длилось, сказать невозможно. Анна чувствовала, что, по мере того как она удалялась от Брюгге, у нее прибывали силы, каждый шаг возвращал ей свободу и спокойствие.

Какая удача!

Разбившееся зеркало означало, что ее свадьба не состоится. Супружеская опочивальня разлетелась стеклянными осколками, отражение невесты разбилось вдребезги; это означало, что Анна избавилась от неволи.

Какое облегчение! Она проворно сбежала по деревянным ступенькам, и ни одна не выдала ее поскрипыванием. Она уверилась в этом, когда переступила порог дома и вдохнула деревенские запахи предместья Сент-Андре, а потом ощутила, как грязь весело разлетается из-под ее босых ног.

Весь день она бежала от опасности.

Теперь, на закате, Анна остановилась у ручья, погрузила по локоть руки в прохладную воду, остудившую горячие от усталости мышцы, и долго пила.

Что же она будет есть?

Сейчас она еще не чувствовала голода, а потом будет день – будет и пища.

Синицы вдруг перестали щебетать.

Солнце зашло.

Небо, лишившись лазурной сини, сделалось блекло-серым. Из лесной чащи донесся резкий выкрик одинокого вяхиря.

Анна вздрогнула.

Сумерки сгущались, и колоннада буковых стволов обступала ее все теснее. Холод давал о себе знать.

Она заметила величественный дуб, к которому не смели подступиться другие деревья. Повелев ей приблизиться, он предложил ей ковер из мха вместо подстилки, корни – вместо подушки и раскидистые ветки как полог королевской колыбели.

Она склонилась перед ним, потом, задржав голову, оглядела.

Как он был величествен! Он источал силу, внушал почтение. Храня молчание, дуб говорил с ней. Конечно же, это был необычный представитель растительного мира! Перед Анной высилось мощное, гипнотически завораживающее дерево – дерево, пережившее века, в котором скрывались тонны опыта.

Можно ли мимолетно коснуться его? Пронесся ветерок, и листва зашелестела, словно бы выражая согласие, Анна приложила ладонь к коре дуба.

Ее охватило чувство величайшего блаженства. Из узловатых внутренностей дерева исходила горячая сила, она проникала сквозь ее кожу, растекалась по телу. «Я многому могу

научить тебя», – сказало дерево. Анна кивнула. «Этим вечером я расскажу тебе о достоинстве неподвижности, – добавило дерево. – Не шевелись».

И тогда Анна, успокоившись, прикинула к нему, подумав, что надо бы прочесть молитву, но, пробормотав начальные слова, провалилась в сон.

Ее совсем не смутило, что на рассвете она проснулась в незнакомой местности: неведомые леса нам всегда кажутся более знакомыми, чем новые дома.

Поутру она какое-то время ломала голову: и как это она отважилась? Стоит ли идти дальше? Но если она повернет назад, то тогда к чему было это бегство? Она ведь вовсе не стремилась избавиться от Филиппа, она отправилась в путь, чтобы обрести что-то... Но что? Этого она не знала.

Пока Анна прохаживалась вдоль реки, в сумятице мыслей всплыло очевидное решение: она останется здесь. Быть может, в конце концов ей удастся обрести то, что она ищет...

Возбужденная, с пылающим лицом, она вернулась к дереву и обхватила его руками. Ей передался его покой, с сомнениями было покончено; прижавшись к стволу губами, Анна шепнула, что остается.

В этот день она принялась открывать для себя природу. Анна радовалась тому, что может неспешно насладиться тем, что прежде было ей недоступно – ни в былой крестьянской жизни, ни позднее, когда они поселились в городе.

Она углубилась в трепещущий лес, в потоки тени и потоки света. У нее из-под ног выскакивали пушистые мячики – дикие кролики улепетывали прочь. То тут, то там проклевывалась новая травка, такая нежная, свежая, что Анна не смела топтать ее. Под прошлогодними бурыми сплюснутыми папоротниками пробивались бледные молодые побеги, толкаясь скрюченными пальчиками. Выше лопались почки на деревьях, ветви разрастались и обретали зеленый убор.

В подлеске гулял ветерок; листья и цветы – тысячекрылые создания – жаждали вобрать в себя воздух, оторваться от земли и воспарить; лес грезил полетом. Подобно кораблю, который удерживают на пристани лишь канаты, Анна желала, чтобы дыхание ветра унесло ее в небесную синь.

Анна ощущала, что вселенная наводнена текучей упорной энергией. Весна утверждала себя, отбрасывая засохшие ветки, хороня гниющие листья; она впитывала соки деревьев и растений. Вдыхая их испарения, девушка пьянела.

По мере того как оживала лесная поросль и выпрямлялся корабельный лес, в Анне пробуждалось... желание... Желание чего? Сложно определить... Жажда чего-то великого, существенного; да, Анна тоже вместе с природой избавлялась от зимнего оцепенения, она отождествляла себя с птицами, напрягавшими в полете крылья.

Перед Анной приоткрылся иной мир, непохожий на мир людей. Настоящий мир. В то время как город душил землю тяжестью мостовых, придавливал ее домами, лес давал земле возможность цвести. Город рубил деревья, чтобы подпирать свои крыши, держал в заточении, меж четырех стен, воздух, чернил небо дымом, валившим из печных труб, а лес наделял свободой любую жизнь. И здесь в Анне, которая оказалась в эпицентре волшебной гармонии, столь неслыханной, что невозможно было понять, из чего состоит этот аккорд, рождался отклик. И этим ощущением связи лесная магия заставляла ее застыть, брала в плен и зачаровывала.

Дважды она испытывала страх.

Дважды ей казалось, что вдалеке скользит какая-то тень. Прикинув к земле, она выжидала. Ничего.

Может, это пробежала лань?

Есть было нечего. Анна решила, что попробует щипать траву, грызть молодую кору. Добравшись до реки, что вилась меж тополей и ив, будто кровеносный сосуд в черной почве, она долго пила воду, чтобы заглушить бурчание в животе.

Под ивами жужжали мошки, слетевшиеся на запах пыльцы... Воздух пел, струился, трепетал. Потом день начал стремительно клониться к закату под фанфары умопомрачительно сверкавшей на солнце небесной меди, золотом раскатывавшейся от облака к облаку.

Когда стемнело, она вернулась к дубу. Едва она обратила внимание на звезды, засиявшие на небесном своде, как силы оставили ее и она погрузилась в сон. Утром среди корней дуба лежал большой круглый хлеб. Анна решила, что это дар дерева. За этот подарок, избавлявший ее от необходимости заботиться о пропитании – теперь она могла посвятить весь день изучению леса, ведь ей столько предстояло для себя открыть, – девушка поблагодарила своего зеленого покровителя, потом обглодала корку, оставив мякиш на вечер.

Она исходила лес вдоль и поперек, неустанно вслушиваясь в наполнявшие его звуки: тьяканье лис, вышедших на охоту, шорох хвоста, задевшего кусты, потрескивание ящерицы, мелодичное кваканье древесной лягушки, мелкую поступь оленят. Подняв голову, сквозь завесу ветвей она пыталась разглядеть, где прячутся птицы, выющие гнезда, чей неумолчный гомон наполнял лес. Дятел долбил клювом кору. Переругивались крикливые сороки. Охрипшая кукушка, слышав Анну, постоянно отступала, и ее жалобы слышались где-то за горизонтом. Анне все было любопытно, она вспомнила, что еще накануне лес казался ей немым. На самом деле лес был полон звуков, повсюду царило оживление. И Анна слышала здесь не спокойствие, нет, а гармоничную музыку живой, распускающейся, растущей природы. На протяжении всего дня в зарослях кустарника, в лесной чаще кипела жизнь. Взмах крыльев и хруст веток разносили эхо осторожной поступи зверей, потрескивание растений, ясный шепот ручейка, подраживание ветра... Эти шумы звучали мирно, они совершенно не омрачали незамутненной ясности. Молчание леса принимало и вбирало в себя все: застигнутого врасплох кролика, прыжок белки – так мягкий ковер из мха притягивает падающие сосновые иголки.

Когда над лесом сгустилась ночь, Анна помчалась к своему дубу, утолила голод, а потом провалилась в сон.

На рассвете возле нее вновь лежал хлеб.

То же было и в последующие дни...

Чем чаще повторялось это чудо, тем меньше оно занимало Анну.

Особенность чудес в том, что они редки; повторение стирает ощущение волшебства. Решив, что ежедневное появление еды – это дар щедрого леса, Анна больше не задумывалась об этом.

Она положилась на судьбу. Она жила как живет. Позабыла о людях. Порой ей хотелось сбросить одежду, бегать в чем мать родила, но ветерок, сырая свежесть эфира не слишком располагали к этому.

Каждый вечер она опиралась на дружеское плечо дерева и, свернувшись калачиком на его корнях, забывалась сном.

«Отсюда я ушла и сюда возвращаюсь».

Лесная чаща стала ее матерью, а громадный дуб – отцом. Анне вновь открылась изначальная невинность той поры, когда она еще не ведала забот; созерцание наполнило ее душу признательностью.

И каждое утро ее ждал хлеб.

Конечно, пару раз она собиралась бодрствовать, но сон сморил ее. Поскольку она засыпала, размышляя, откуда берется пища, во сне у нее возникали самые причудливые ответы: хлеб приносил то красный карлик, то одетый в черное великан, то неизвестно откуда взявшийся белый конь со сверкающим золотым рогом.

Потом Анна вдруг просыпалась на заре, окутывавшей хлеб мягким светом; она принимала хлеб, отламывала кусочек, жевала его с благодарностью, а после вновь погружалась в созерцание леса.

Трижды ей казалось, что за ней наблюдают. Хотя за ней следили тысячи зверьков из своих норок, из зарослей, из лесной чащи, здесь она почувствовала нечто иное. Ее выслеживало другое существо, наделенное сознанием. Эта слежка была ей отвратительна. Когда неприятное ощущение возникло в третий раз, вдали она увидела оленя. Высокий, с мощной, выветленной спереди шеей, он застыл, устремив на нее сверкающий взгляд; шерсть еще вздымалась после бега. Великолепный олень с раскидистыми рогами показался ей воплощением духа леса, подвижным собратом дуба.

Через мгновение он исчез.

Озадаченная Анна направилась к своему убежищу и прилегла под его могучей сенью.

С вершины дуба за ней следила белка, вцепившаяся в кору. Она собиралась поселиться в дупле многовекового дерева. Сквозь крону дуба просачивался зеленый свет.

В небесной выси парил, раскинув крылья, ястреб, подстерегавший недавно вылупившихся птенцов.

Ее ресницы дрогнули...

– Вот она!

На этот раз еще сонная Анна, прижавшаяся ко мху, ничего не расслышала.

– Она здесь! – повторил голос.

Ида, кутаясь в шали, разглядывала расprostертую на земле кузину в грязном рваном платье. В глазах Иды мелькали злые искорки.

– Ты только взгляни!

Она обернулась к своему спутнику. Филипп поспешил подойти, рассекая траву палкой.

Анна, смущенная, будто ее застигли голой во время умывания, инстинктивно поджала под себя ноги и обхватила их руками, явив взору юноши съеженное тело.

– Я знала, что она где-то здесь! – В голосе Иды звучал триумф. – Прячется.

Анна про себя поправила ее: «Нет, я не прячусь, просто ушла», но оставила замечание при себе.

Ида и ее спутник рассматривали девушку.

От мысли, что представилась возможность объясниться с женихом, Анне стало легче на душе.

– Я рада тебя видеть.

– Почему ты сбежала?

– Я не хотела причинить тебе зла.

– Почему?

– ...

– Может, я тебя чем-то огорчил или обидел?..

– ...

– Почему?!

Она заметила белку, которая, покачиваясь на ветке, черными блестящими глазками наблюдала за происходящим.

– Я не должна выходить за тебя замуж.

– Ты этого не хочешь?

– Хочу.

– Тогда почему?

– Недостаточно сильно.

Филипп воспринял эту сдержанность как удар кулаком в живот. Ида возмутилась за него:

– Что за кошмар! Ей «недостаточно сильно» хотелось выйти за него замуж... За кого мадемуазель себя принимает? Ты корчишь из себя чистюлю перед Филиппом. Да ты должна со стыда сгорать!

– Да, мне стыдно.

Анна ответила с такой искренностью, что Ида замолкла, остановив поток желчных упреков.

Филипп, бледный, напряженный, шагнул ближе и повторил:

– Почему?

Она склонила голову.

Он взревел:

– Почему?

Глаза Анны наполнились слезами. Она страдала оттого, что доставляет юноше такие мучения.

– Я не знаю. Но дело не в тебе, Филипп, в этом нет твоей вины.

Не слишком утешительное заявление: теперь он решил, что Анна не придает их отношениям никакого значения. Он шагнул вперед, упал на колени, взял ее за руки. Даже будучи униженным, он не сдавался. Он требовал, чтобы сдалась Анна. Оттого ли, что он боготворил ее, или же ему было нестерпимо поражение? Сложно было понять, чем продиктовано его упрямство – любовью или гордыней.

– Хорошо, ты не знаешь, и все же выходи за меня замуж! А там увидишь...

Державшаяся позади Ида в ярости от его настойчивости кусала губы – ведь он торжественно поклялся ей, что не изменит решения!

– Да, таковы мужчины, – проворчала она. – Подумать только, а еще сравнивают женщин с флюгером...

Анна выложила Филиппу то, что невозможно было понять:

– Я отказываюсь от свадьбы. Вот. У меня другая судьба. Мне пока неизвестно почему, но я знаю, что не должна выходить за тебя. Прости...

– Я недостаточно для тебя хорош, в этом дело?

– Ты достоин любой женщины.

Произнося это, Анна вперилась в него взглядом. Филипп ей поверил. Она продолжала:

– Ты для меня слишком хорош!

– Вот с этим я соглашусь, – вмешалась Ида. – Филипп, очнись, посмотри, на кого похожа твоя бывшая невеста!.. Грязнуля! Она с самого побега не мылась, спит на земле... Наверное, глодает корешки. Свинья и то чище будет. И ты хочешь иметь от нее детей?

– Нет!

Филипп замкнулся в себе. Казалось, он внезапно возненавидел Анну. Разбилась его последняя надежда. От сдерживаемых чувств его шея побагровела.

– Так на чем порешим? – скривившись, спросила Ида.

– Сделаем, как договорились утром! – бросил Филипп.

Заговорщики радостно переглянулись.

Анна почувствовала, что исключена из этого сговора: они перебрасывались фразами рядом с ней, как будто она не могла их слышать. Неужели она превратилась в зверя?

Вытащив из мешка веревку, Филипп бросился к бывшей невесте, следом подскочила Ида. В мгновение ока они связали Анну, Филипп обматывал веревкой ее ноги, а довольная Ида потуже затягивала узлы, стараясь причинить ей боль.

Смертельно униженная, Анна даже не пыталась сопротивляться.

Почему она не взбунтовалась? Дело было в том, что с самого ее рождения за нее все решали другие, а она всегда покорялась чужой воле.

Пока Ида и Филипп возились с веревкой, Анна, в отличие от ее мучителей, заметила опасность: на опушке показался великан.

Верзила в грубошерстной накидке быстрым решительным шагом приближался к ним. Еще более странным, чем его примечательный рост, казалось то, что ему удавалось передви-

гаться совершенно беззвучно, под ним не треснула ни одна веточка, не зашуршала прошлогодняя листва. Он рассекал подлесок, как корабль волны.

Ида, не подозревавшая об угрозе, прокомментировала свою победу.

– Посмотри на нее, Филипп, – сказала она, указывая на связанную Анну. – Она сопротивлялась не сильнее, чем дождевой червь. Слабоумная! Да просто юродивая. Она даже не знает, почему сбежала из-под венца и зачем здесь гниет. Она глупа, как утка. Что с ней говорить...

Незнакомец резко опустил широкую ладонь на плечо Иды. Та вскрикнула от страха и удивления и обернулась. Незнакомец внимательно вглядывался в нее: похоже, он намеревался прикончить ее, как курицу, – стиснуть горло и переломать кости.

Внезапно Ида высвободилась и отскочила в сторону, тяжело дыша.

Филипп был удивлен и напуган еще больше, чем Ида, но до него дошло, что он должен выступить в качестве защитника. Он выпятил грудь и промямлил:

– Но... кто вы?

Незнакомец дал ему затрещину, отправив в кусты.

Поднявшись, Филипп схватил свалившуюся с головы шляпу и дал деру. С криком: «Подожди меня, подожди!» – Ида со всех ног припустила за ним.

Незнакомец навис над связанной Анной, лежавшей на земле. Из-под капюшона виднелось его изможденное, холодное, жесткое лицо.

Приподняв полу накидки, он вытащил кинжал и занес над Анной.

5

Вена, 25 мая 1904 г.

Гретхен, дорогая,
возвращение в Вену стало для меня роковым.

Когда во время свадебного путешествия мы с Францем переезжали из города в город, то не слишком часто общались с людьми – даже в тех редких случаях, когда нам доставляло удовольствие общество какой-либо пары и наши собственные отношения укреплялись от этих мимолетных знакомств. Но, ступив на венскую почву, я поняла, что оказалась в неволе. Я живу в аквариуме.

О, это великолепный аквариум: кто не мечтал бы жить на Линцерштрассе, вращаться в аристократическом обществе с его пьянящими балами, сегодня слушать «Лючию ди Ламмермур», завтра – «Летучую мышь» в театре «Ан-дер-Вин», а потом ужинать в кафе «Захер»?! Несмотря на то что сквозь стеклянные стены можно видеть небо, выйти я не могу, я бьюсь о стекло, приговоренная сносить общество рыбок, запертых вместе со мной.

Искать выход бессмысленно, уединиться мне не удастся, я хожу по кругу. Ты возразишь мне, что это сетования избалованного ребенка. Ребенка? – отчасти да. Избалованного? – тоже верно.

И все же пойми: какая-то часть моей души страдает. Мне кажется, я совершила ошибку. Крупную ошибку. На самом деле я оказалась не на высоте: я не соответствую ни тому, что предлагает мне жизнь, ни тому, чего она от меня требует.

В аквариуме, который я тебе описываю, полно женщин, целая дюжина решила заняться мною; и вот я плотно окружена их заботой и добрыми намерениями.

Сейчас поясню.

Едва я ступила в наш дом – мне, пожалуй, следовало бы сказать «дворец», ведь комнаты и сад полны бесчисленных сокровищ, – как потянулась чередой посетительниц из рода фон Вальдбергов. Как я и предвидела, они не сводили глаз с моего живота. Их мучил вопрос: беременна ли я после медового месяца? Не нужно быть выдающимся акушером, чтобы, взглянув на

мои бока, прийти к неутешительному выводу; и все же, поскольку надежда умирает последней, они спросили:

– Ну что, Ханна, вы прибыли в Вену с маленьким Вальдбергом?

– Нет, пока нет. Но поверьте, мы с Францем там, в Италии, разузнали способ изготовления и с жаром работаем над этим.

Они удалились, удовлетворенные тем, что наша супружеская чета усердно исполняет свой супружеский долг.

Но разве от подобных созданий можно отделаться парой фраз? Они вернулись на поле битвы. Эти хранительницы домашнего очага, эти куры-несушки, десятками плодящие наследников, трудятся на этой ниве уже многие столетия. Они были здесь в ту пору, когда Вена умирала за крепостными стенами; они были здесь, когда эти стены еще не воздвигли; они были здесь, когда самой Вены еще не было. В сущности, это они и создали Вену и все, что связано с такими понятиями, как семья, династия, общество, город, страна, империя. Чтобы упрочить свою власть, они прежде всего пекутся о самовоспроизведении: от матери к дочери, от тетки к племяннице, от сестры к кузине, от соседки к соседке. Выстави против них полк амазонок, ратующих за сокращение рождаемости, своими сплоченными рядами они сметут его. Короче, после недельного перемирия мать Франца, которая всегда внушала мне страх, приступила к расследованию. Ее мужу было поручено поговорить с сыном, как мужчина с мужчиной (Франц сам со смехом рассказал мне об этом), узнать, происходит ли что-то у нас в постели, и если происходит, то насколько результативно и часто. Франц дал положительный ответ, но, поскольку мужчины склонны приукрашивать свои достижения в интимной сфере, моя свекровь пожелала проверить эти сведения у меня. Будучи достаточно неглупой, чтобы понимать, что ей я ни за что не доверюсь, она спешно направила ко мне свою сестру Вивиану, или Виви, чье распутство стало в клане притчей во языцех. Виви открыто коллекционировала любовников – это не было тайной ни для кого, включая ее собственного подагрика-супруга. Хотя никто этого не одобрял, все ей завидовали; тем не менее она избежала сурового осуждения, так как состояла в интимной связи с двумя высокопоставленными персонами: один ее любовник был членом правительства, другой занимал должность при дворе, следовательно, это шло на пользу семье.

Речи – и поведение – тетушки Виви настолько вольные, что она в пять минут создает доверительную, непринужденно-эйфорическую атмосферу. И вот она предлагает мне выпить чаю у нее саду, где распустилась сирень, и развлекает рассказами не менее пикантными, чем ее тосты.

Потом, когда барьеры стыдливости уже опрокинуты, она резко меняет тональность:

– Итак, удалось ли моему симпатичному племяннику сделать вас счастливой?

– О да!

– Я, естественно, имею в виду постель... Он отличный любовник?

– Да.

– И исправно исполняет свой долг?

– Да.

– Чересчур исправно?

– Порой да.

– Что ж, тем лучше. Ханна, я вам завидую не меньше, чем все венские девицы! Вы прибрали к рукам одного из самых привлекательных юношей столицы. Теперь о вас.

– Обо мне?

– Вы набрасываетесь на него?

– Не успеваю. Он всегда опережает меня.

– Но, получив наслаждение, вы требуете его вновь?

– А что, нужно?

Она смотрит на меня с улыбкой, что-то обдумывая.

– Ханна, позвольте, я выскажу догадку: если вы во время ваших забав никогда не берете на себя инициативу, это означает, что вы еще не poznали ослепительный миг? Нет?

– Какой-какой миг?

– Ослепительный! Миг, когда ваше тело взрывается от наслаждения и вы издаете радостный стон. Вы поняли, на что я намекаю?

Я, нахмурившись, беру чашку с чаем, не отдавая себе отчета, что пытаюсь уйти от ответа.

Виви мягко берет меня за руку:

– Милочка, это нормально.

– Вы полагаете?

– Уверена. Вам следует расслабиться, забыться, думать о себе, о своих ощущениях, о своем блаженстве... И тогда во время оргазма у вас больше всего шансов забеременеть.

– О-о?

– Ну, это общеизвестно. Когда наступает ослепительный миг, в женщине раскрывается все, и в частности тот путь, по которому мужское семя попадает туда, куда нужно. Если вы находитесь в напряжении, это изолирует яйцеклетку.

– Никогда не слышала ничего подобного.

– Ну, так я вам говорю.

– Вы хотите сказать, что моя свекровь, тетя Аделаида, баронесса Каролус, а также мадам ван Тейк зачали наследников именно в этом состоянии?

Я намеренно назвала самых строгих матрон из нашего окружения. Раздраженная Виви взглянула на меня, как на муху, севшую на пирожное. Я усугубила положение, добавив:

– А как же дети, родившиеся в результате изнасилования? Тетя Виви, вы, стало быть, полагаете, что жертвы изнасилования сладострастно отдавались своим мучителям?

– Дорогая племянница, мы не равны в этом отношении. Женщины делятся на две разновидности: несущки и любовницы. Несущки не знают наслаждения, их организм изначально предрасположен к плодоношению, дай лишь случай. Любовницы, напротив, устроены более возвышенно – взять меня или вас, – им необходим экстаз, встряска, потрясение, чтобы выполнить этот нелегкий труд оплодотворения. Подумайте об этом, Ханна, прислушайтесь к советам тетушки Виви, помогите своему пленительному мужу, и вы вскоре забеременеете.

Несмотря на свободное поведение и вольные манеры, в остальном тетушка мало чем отличалась от прочих: четверо детей, которых она родила графу, прежде чем наставить ему рога (надеюсь, что дети родились прежде), составляли ее гордость, честь, женское достоинство и нравственный сертификат. Мне все это чуждо... Удастся ли мне встретить женщину, рядом с которой я не буду чувствовать, что я другая?

Тетя Виви, должно быть, рассказала о нашей беседе, превознося предложенное ею средство, так как на завтра начались визиты и продолжались двенадцать дней без передышки. Дамы клана Вальдбергов распивали чай, потчuya меня признаниями; они расточали советы с беспечным видом, слова, будто по случайной прихоти, изливались из их уст, тогда как они явились именно затем, чтобы произнести их.

– Я заставляла мужа оставаться во мне после... ну, вы понимаете. В этом отношении, моя дорогая, природа оснастила животных куда лучше, чем бедные человеческие существа. Взять, к примеру, собак: пес, извергнув семя, не может соскочить с суки, потому что его... прибор еще больше разбухает и блокирует отверстие. Поначалу сучка чувствует себя ужасно – я слышала, как моя Кэтти выла от боли, – но пять минут спустя все уже в порядке.

Когда мой муж удалялся, я оставалась в постели и лежала не двигаясь целых два часа! На спине. Вжимаясь в матрас поясницей и тазом. Нужно время, чтобы оно... попало туда, куда должно попасть! Я встала бы с постели, лишь услышав крики: «Пожар! Пожар!» Результат – шестеро прекрасных детишек.

– А сельдерей вы пробовали? А петрушку? Сразу после помолвки я провела курс лечения петрушкой и сельдереем – это благоприятствует беременности. Мои сестры смеялись надо мной, младшая при встрече со мной мычала, утверждая, что я щиплю траву, как корова... Я только пожимала плечами. И была права: за первых пять лет нашего брака у меня родилось четверо детей. Кто может лучше? Уж точно не мои сестры в данном случае. Кстати, дорогая Ханна, остерегайтесь дикой петрушки: она вредна для беременных¹, исключите из рациона и арабскую. И естественно, жуйте стебли сельдерея!

– Луна!.. Женщина расцветает в полнолуние. Как лес! Как поля! Как устрицы! В некоторые ночи вы будете потеть понапрасну, тут нужен благоприятный момент. Мы подвержены влиянию луны не меньше, чем моря и океаны. Было бы высокомерием отрицать такую связь! Неужто современные дамы полагают, что луна над ними не властна? Заблуждение! Смотрите, на всякий случай оставляю вам лунный календарь. Ах, вы в курсе... Но вы взяли за правило руководствоваться им?

– Ханна, хоть это и не мое дело, но я позволю себе преподнести вам амбру. Дикие племена в Америке и в Сибири используют ее не только как косметическое средство. Разумеется, я слишком добрая католичка, чтобы разделять подобные суеверия... И все же моя мать вручила мне амбру накануне свадьбы, а я потом снабжала ею своих дочерей, и все у всех прошло благополучно! Примите этот подарок, доставьте мне удовольствие. Все очень просто: вы берете ее в руки и нюхаете вечером перед сном.

Милая Гретхен, стоит ли продолжать?

Франц скоро вернется из своего клуба, нам предстоит совместный ужин, а потом у него возникнет желание. Ты только представь, чем занята моя голова! У меня задач больше, чем у генерала, бросающего армию в битву! Итак, я должна проглотить суп из петрушки, переварить запеченный сельдерей, свериться с лунным календарем, украдкой потерять амбру, заставить Франца заснуть прямо на мне, не прерывая соития, а когда он выйдет, еще пару часиков пролежать не шевелясь. Ах да, совсем забыла: между виртуозными трюками я должна расслабиться, думать лишь о себе и стремиться достичь экстаза! Каков итог? Очень хочется улизнуть. Хотя я и обожаю Франца, порой мне хочется бежать куда подальше. Не знала, что, выходя замуж за Франца, я вступаю в брак со всеми женщинами из его окружения, а они жаждут, чтобы я уподобилась им, и, если я не поддамся, они меня просто изведут. Я понятия не имела, что, соединяясь с Францем, подписываюсь под условием, которое приводит меня в ужас.

Обнимаю тебя, Гретхен. Пойду, пока не появился муж, поплачу в музыкальной гостиной.
Твоя Ханна

6

Из-за ярко светившего солнца в палате медицинского центра Беверли-Хиллз было как будто две занавески: одна настоящая, а другая – ее тень на стене. Придя в сознание, Энни, убаюканная переносившими ее попеременно то в сон, то в явь транквилизаторами и болеутоляющими, уцепилась за эти два элемента. Тело под анестезией и замутненное сознание Энни ухватились за свет как единственную прочную, осязаемую материю вселенной; сосредоточившись на нем, она сделалась пылинкой, пляшущей в золотом луче, который пересекал комнату и связывал реальную занавеску с той, что проецировалась на стену. С какой стороны она оказывалась чаще? Как кинодива, она предпочитала отражение реальности.

К ней то и дело подходил светловолосый санитар.

И каждый раз, когда он склонялся над ее постелью, она начинала говорить; и каждый раз происходило нечто странное, и ей не удавалось ничего сказать. Стоило ей разлепить губы,

¹ *Авиценна. Канон врачебной науки. (Прим. ред.)*

он как бы растворялся в воздухе; да, стоило ей обратиться к нему, он исчезал. Впрочем, этот иллюзионистский трюк не выглядел умышленным. В лице молодого человека не читалось ни порока, ни лукавства; появляясь вновь и вновь, он держался предупредительно, внимательно вглядывался в лицо Энни, явно желая помочь. Но стоило ей выдать первое слово, все рушилось.

Сперва она решила, что стала жертвой нестабильной реальности, тем более что ей все время казалось, что она падает. Потом Энни заподозрила, что время сыграло с ней злую шутку, внезапно раздробив ее на части. Наконец (санитар как раз подошел к ней) она заметила, что в комнате никого нет; она сделала вывод – на сей раз правильный, – что опять заснула.

После ряда бесплодных попыток на третий день ей все же удалось завязать разговор:

– Где я?

– Рад, что могу с вами поболтать, Энни. Меня зовут Итан.

– Мм...

– Вы в палате номер двадцать три. Клиника «Клены». Голливуд.

– Что со мной?

– Различные ушибы. Ничего страшного. Выкарабкаетесь. Вам больно?

– Нет.

– Значит, дозировка правильная.

– Дозировка чего?

– Морфина.

Из глубины мозга всплыло воспоминание о том, как отец, потрясая научным журналом, говорил, что морфин принадлежит к опасным наркотикам: стоит однажды его принять, и ты уже не сможешь без него обойтись.

В течение следующих часов она в моменты просветления сознания возвращалась к этой мысли, очнувшись, надрывала горло, поникала, вновь впадала в забытие и вновь пускалась в следующий круг. Устав от борьбы, она решила пренебречь отцовским предостережением. Зависимость – это ее конек! К тем, что уже имеются, – зависимость от алкоголя, травки, кокаина – добавится морфин! Что за беда?! Тут, по крайней мере, она может с чистым сердцем заверить, что ее вины в этом нет. «Да, ваша честь, именно так: это врачи вкололи мне этот яд. Стремясь вылечить меня, они прописали мне инъекции. Ваша честь, вам следует отправить их в тюрьму или приговорить к исправительным работам. Их, а не меня!»

Несколько раз, приходя в сознание, она вновь прокручивала эту сцену перед воображаемым судом, с удовольствием разыгрывая невинность.

Утром в ее палату вошел доктор Шинед, возглавлявший клинику. За его спиной теснились недавние выпускники: юные медики лопались от гордости, считая, что за блестящие успехи в учебе они удостоились чести следовать как тень за выдающимся хирургом.

– Итак, как чувствует себя наша американская невеста?

Энни едва не прыснула со смеху: профессор Шинед гнусавил, как престарелая актриса, которой Энни восторгалась, – у нее было прозвище Кошелка Вюиттон, поскольку пластические хирурги слишком часто перешивали и штопали ее.

– Так как мы себя чувствуем? – настойчиво переспросил он.

Если его манера говорить и напоминала Кошелку Вюиттон, то и причина была все та же: пластические операции; губы вначале натянули, а потом накачали гелем.

Энни детально разглядела профессора Шинеду.

Его плоть, измученная диетами, подорванная возрастом, свисала везде, где не подвергалась подтяжкам: подбородок, уши, кожа на груди, предплечья и кисти рук. Притом эта измученная кожа несла следы неизбежных растяжек, разрезов, деформаций и швов. После стольких хирургических вмешательств его лицо демонстрировало не жизнеспособность молодости, а хрупкость – следствие причиненного ущерба.

– Энни, вы в состоянии нам ответить?

Какой жуткий голос – металлический, лишенный тембра... А этот странный выговор: гласным недостает чистоты, согласные приглушены. Так как эстетическая хирургия сместила губы, что способствовало их одеревенению, получалось, что доктор Шинед вещает как бы из-под маски.

– Энни, ради бога!

До актрисы дошло, что с анализом дикции нужно заканчивать, пора вернуться в реальность. Вспомнив слова Итана о том, какую важную роль играет доктор Шинед в Лос-Анджелесе, она тотчас сконцентрировалась, как на прослушивании:

– Да. Слышу. Просыпаюсь...

– В добрый час! Можно осмотреть ваши раны?

– Пожалуйста, я в вашем распоряжении.

Энни откинула одеяло, заинтересованная объяснениями Шинеды не меньше, чем его услужливые ассистенты; она ведь толком не знала, что именно у нее повреждено. Ноги, руки, ребра, синяки, раны, порезы, ожоги – все было продемонстрировано и откомментировано. Из слов хирурга следовало, что после подобного падения Энни еще дешево отделалась.

– Все же Господь присматривает за артистами, мадемуазель Ли.

– Вы так считаете? Но в Голливуде есть лишь один бог, и он называется «доллар».

Он вежливо улыбнулся, реагируя на избитую шутку:

– Что ж, мадемуазель, вы еще послужите этому божеству. Вскоре вы сможете вернуться на съемочную площадку.

Он полагал, что сообщает ей утешительную новость. На самом деле он напомнил, что в результате своей эскапады она выпала из съемочного процесса полнометражного фильма. Энни охватила тревога: если съемки остановили, то во что ей это обойдется? А может, все еще хуже и ей нашли замену?

Взволнованная Энни сделала прощальный знак команде медиков, и те ушли. Сердце ее учащенно билось. Тело покрылось испариной.

– Джоанна, Джоанна!

Она машинально позвала своего агента. Разумеется, той не было в палате, и кричать было бесполезно – никто не услышит. Не важно! Она хлопнула рукой по матрасу, постучала в стену, попробовала разбить удерживавший ее в неподвижности гипс, закрепленный на вытяжке, потом завопила изо всех сил:

– Джоанна!

– Энни, что случилось? – На лице Итана читалась озабоченность. – Энни, что случилось? Что-то болит?

При виде этого добродушного юноши Энни не стала прибегать к уверткам:

– Да! Мне зверски плохо.

– Где именно болит?

Она, нацепив соответствующую гримасу, перечислила те части тела, которые называл доктор Шинед, а потом хрипло выдохнула:

– Прошу вас, помогите.

– Я... Я... мне...

– Дайте мне что-нибудь выпить.

– Нет.

– Погрузите меня в кому, это невыносимо...

– Энни, успокойтесь. Я увеличу дозу морфина.

Добившись своего, Энни едва не вышла из роли; к счастью, она вовремя подавила радость и прорыдала:

– О-о! Это мне не поможет!

- Поможет... Успокоительное скоро подействует.
- Нет, мне слишком плохо. Умираю!
- Не стоит преувеличивать. Скоро все будет в порядке.
- Я подохну! Я требую встречи с моим агентом...
- Так, позвольте это мне решать...
- Мне нужен мой агент!

Несмотря на все хлопоты Итана, Энни стонала до тех пор, пока санитар не записал номер и не пообещал, что позвонит Джоанне.

Потом она отдалась во власть анальгетиков, с наслаждением погружаясь в их анестезирующую мягкость...

На следующий день Джоанна Фишер по кличке Акула в облегающем темно-сером костюме сидела у постели Энни. Знаменитая улыбка, обнажавшая зубы, прорезалась на лице, обильно умашенном тональным кремом.

– Ну вот, радость моя, представляешь, как ты нас напугала?! В конце концов, ты вроде пошла на поправку. Целых три дня мне каждый час докладывали о твоём состоянии. А кстати, ты получила мои цветы? Если не понравились, тебе пришлют другие, только скажи. Сирень, розы, пионы, ирисы – любые, какие захочешь. Ладно, не будем терять времени, обрисую тебе ситуацию. Пресса в курсе происшествия, отлично. Посетители клуба сняли на телефон, как ты лежишь на полу; к счастью, фотки получились такие скверные, что редакторы использовали их лишь как заставки, они были вынуждены извлечь из запасников твои гламурные снимки в большом разрешении. И это прокатило. Нашумела ты – будь здоров! Все СМИ – и телевидение, и радио, и печатные издания, и Интернет – только и судачили что о твоём падении, тем более что никто и понятия не имел, что и как произошло. Результат был налицо: ты грохнулась на танцпол в «Рэд-энд-Блю». Но по какой причине? Хотя выдвинули версию о несчастном случае, никто не поверил. Классика: несчастные случаи никого не волнуют, более того, это внушает ужас. Людей цепляет, когда падение является следствием душевного состояния. Поступок – да, осечка – нет! Не важно, что вызывает самоотжествление: отчаяние, призыв на помощь, попытка самоубийства.

- Эйфория. Я была так счастлива...
- Ты была пьяна в стельку...
- Было так весело...
- Заткнись!
- Джоанна, я...
- Дэвид рассказал мне, что ты, решив, что ухватила лиану, принялась летать над джунглями. Я договорилась, что он будет молчать, – впрочем, к этому мы еще вернемся, – так что нет смысла уточнять.

- Но ведь это правда.
- Правда не стоит ни гроша. Тут нужна выдумка. Классная выдумка.
- Что ж, может быть. Но я хотела тебе открыть, что было на самом деле...
- Энни, публика обожает тебя за те истории, которые ты рассказываешь. А не за то, чем ты являешься.

Джоанна повысила голос. Энни пристыженно зарылась в подушки.

– Черт возьми, ты же звезда, ты не обычный обыватель. Так что, прошу тебя, играй свою роль, – ворчливо добавила агентша. – Пользуйся этим, получай деньги, лови популярность, и нечего тут хныкать: мол, ты стремишься быть честной и уподобиться тем несчастным, которые купили билет, чтобы увидеть тебя на экране! Важны слухи, противоречивые домыслы, бесконечные статьи, атмосфера тайны, журналисты, выдвигающие новые предположения, рассказы бывших друзей, блогеры, подливающие масла в огонь. Только шумиха стимулирует продажи.

Стоит положить этому конец – выдав правду или славную выдумку, – и с событием покончено. Это уничтожит все преимущества.

При звуках знакомого грозного голоса на Энни вновь снизошел покой: интонации и доводы Джоанны освобождали ее от ответственности. Подчиняясь ее власти, она решила сменить пластинку; взглянув на положение с новой точки зрения, она смирилась со своей участью.

Лучшего зеркала, чем Джоанна Фишер, было просто не сыскать. С самого детства Энни – точнее, с ее первого хита «Папа, я взяла твою тачку!» – Джоанна вела свою подопечную по лабиринту кинокарьеры, не допуская блужданий и холостых выстрелов, не давая свернуть с просторного голливудского бульвара. За эти годы она внушила Энни ориентиры, правила, требования и цели, чего не сделала для нее семья. Впрочем, какая семья?.. Сирота, рожденная неустановленными родителями, Энни с самого детства знала, что жила у неких Пола и Джанет Ли. Не питая никаких иллюзий, Энни совершенно не признавала родительских прав за людьми, которых ей по воле случая приходилось называть папой и мамой.

Она с фатализмом воспринимала приемных родителей, чью фамилию носила как неизбежную данность, воспринимая их как постоянных партнеров на съемках бесконечного телесериала. Она решила, что должна их любить прежде всего потому, что это упрощало жизнь – а она терпеть не могла ссор, – и потом, будучи по характеру приветливой и ласковой девочкой, Энни была сердечно расположена ко всем окружающим. Видя, как она целует мать или как они хохочут с отцом, любой решил бы, что девочка с нежностью относится к своим приемным родителям. Однако для Энни это было интуитивное решение, продиктованное стремлением не усложнять себе жизнь.

В обмен на выказываемую к родителям привязанность Энни обрела относительную свободу, раскрепощенность, а затем и независимость. Очень рано, в шестнадцать лет, она ушла из дома и начала самостоятельно распоряжаться своим временем: она работала, развлекалась, флиртовала, отдавая дань выпивке и наркотикам.

Джоанна Фишер и ее команда сознавали пагубные привычки юной звезды: тем не менее они ничего не предпринимали, так как слабости делали Энни зависимой от них. Так, Джоанна никогда не предупреждала Энни о том, что нужно обуздывать тягу к алкоголю или кокаину, воздерживаться от употребления наркотиков. До тех пор пока излишества не сказывались на внешности девушки, а фотографии не жаловались, она позволяла Энни вести себя как той вздумается. Тем более что это подпитывало колонки светской хроники и папарацци.

– А ты не хочешь узнать, как обстоят дела с твоим фильмом?

– Как раз хотела спросить об этом.

– Съемки были прерваны, но на студии обрадовались. Спонсоры фильма сочли весьма полезным в плане рекламы, что в десятках газет, расписывавших твое падение, упоминалось название ленты, имена режиссера и актеров. Как рекламная инвестиция это тянет на пару миллионов долларов. Притом что не потрачено ни цента. Все просто на седьмом небе и ждут, когда тебя выпишут. Ведь твое возвращение на съемочную площадку репортеры тоже будут освещать как событие. О'кей?

– О'кей.

– Врачи планируют выписать тебя через две недели. Во всяком случае, тебя можно будет снимать крупным и средним планом... Для общих планов, где тебя будет видно с головы до ног, придется или взять дублершу, или поменять график съемок и еще подождать. Но все же, Энни, радоваться рано: тебе нужно поскорее вернуться к работе, иначе постановщики без малейших колебаний найдут тебе замену. Благодаря тебе и этому «несчастному случаю» к фильму было привлечено внимание и он засветился. Но больше тебе не дадут никаких поблажек. Так что лучше сообщить им о твоем возвращении к работе, иначе тебя заменят какой-нибудь старлеткой.

– Неужто они пойдут на это?

– Незаменимых нет, моя дорогая!

– А я думала, есть.

– Шутишь?

– Артист уникален. Ты не можешь заменить Пикассо на Матисса.

– А при чем здесь искусство? Милочка, ты в Голливуде! К тому же если у продюсера достаточно бабок, чтобы оплатить Пикассо, ему нетрудно прикупить Матисса.

Джоанна Фишер встала. Она была раздосадована тем, что пришлось философствовать. Любые объяснения казались ей пустой тратой времени и денег. Тем более что здесь все было ясно как божий день.

Энни, несколько успокоенная, принялась усердно разыгрывать роль выздоравливающей. Молодое тело восстанавливалось куда быстрее, чем прогнозировал доктор Шинед; физиотерапевты, работавшие в клинике, отнесли это на свой счет и возгордились.

И только санитар Итан понимал, что длительное состояние растерянности во время пребывания Энни в клинике, утренние приступы паники, ночные страхи, острая тревога заставляли ее кричать, жаловаться на непереносимые боли, требовать дополнительной дозы морфина. Он заметил ее стремление уйти от действительности, умение мастерски увильнуть от расспросов, молчание, в котором тонули ответы, ее способность сохранять недосказанность; его беспокоила блаженная улыбка, озарявшая лицо Энни, когда после укола она впадала в забытие.

Однажды вечером он не удержался и спросил ее:

– Как вы собираетесь жить после того, как вас выпишут из клиники?

– Что, прости?

– Где вы будете брать новые дозы морфина, когда меня не будет рядом?

– Ну, есть врачи.

– Среди них встречаются и честные профессионалы.

– Ну, таких я избегаю.

– Мм...

– Но ведь бывает, что и самые достойные нуждаются в деньгах.

Итан покачал головой:

– Почему бы вам не воспользоваться пребыванием в клинике, чтобы подлечиться?

Энни, понимая, о какой болезни он говорит, вздернула подбородок:

– Ах вот что?! Что вы выдумываете? Мне-то казалось, что здесь меня лечат.

– Да, здесь лечат ваши раны. Но не ваши дурные привычки.

Она наигранно расхохоталась:

– Мои дурные привычки! Какая наивность! Вы верите в то, что пишут в прессе? Неужто вы читаете эти газетенки?

– Я читаю результаты анализов. Когда вас доставили сюда, в вашей крови было повышенное содержание алкоголя и триглицеридов, а также достаточное количество наркотиков; их было сложно определить, какая-то смесь.

Энни, покусывая губы, мысленно кляла своего дилера. «Мерзавец Бадди! Так и знала, что он втюхивает мне всякую дрянь, что бодяжит свой товар! Увижу – дам в морду!»

Итан настойчиво продолжал:

– Энни, позаботьтесь о себе. Вы отравляете свой организм, чтобы двигаться дальше, чтобы отстраниться от проблем и жить одним днем. Остановитесь на миг. Подумайте. Поставьте точку.

– Вот это программа! Я предпочту немедленно выброситься в окно.

– Вам страшно задуматься о себе. Необходимость размышлять повергает вас в панику.

– Так и есть! Держишь меня за идиотку!

– Энни, стоит вам подумать о будущем, вы кричите и зовете меня, чтобы я помог вам вырубиться. Чтобы отключиться от ваших страхов, вам необходимы наркотики.

– Но...

– Вы не хотите прислушаться к себе. Исследовать, распознавать, сомневаться – для вас это признак недомогания, от которого вам помогают излечиться наркотические препараты.

Удивленная точным попаданием диагноза, Энни замолчала.

Итан наклонился к ней и тихо спросил:

– Почему?

Энни хотела бы ответить, но не смогла. Она разразилась слезами и проплакала всю ночь.

Два дня спустя гроза Голливуда Джоанна по призыву Энни прибыла в палату двадцать три с корзинкой засахаренных фруктов, выписанных из Франции.

– Держи, героиня, это твои любимые. Везет тебе, можешь лопать сладости, не прибавляя ни грамма. Мне достаточно взглянуть на них, чтобы растолстеть на три кило.

Энни сразу перешла к делу:

– Джоанна, мне нужно заняться собой.

Агентша села, положив ногу на ногу, предвидя, что ее подопечная запросит косметику или парикмахера.

– Дорогуша, я вся внимание.

– Так не может продолжаться.

– Ну, раз ты так считаешь... Кого прикажешь выставить – Присциллу или Джон-Джона?

Энни в удивлении вытаращила глаза, услышав, что Джоанна упоминает ее гримершу и парикмахера.

– Нет, Джоанна, я говорю о себе.

– Я тоже.

– Я о том, что внутри.

– А-а, согласна! – Джоанна выдохнула с облегчением. – Тебе нужен персональный тренер, да? Слушай, очень удачно, что ты об этом заговорила: мне не позже чем вчера расхваливали человека, который занимался малышкой Вильмой. Аргентинец. Представляешь? Эта шлюшка, которая перебивалась на ролях второго плана на канале «Дисней», только что получила «Золотой глобус», и ее номинировали на «Оскар», хоть в профессиональных кругах так и не поняли, как ей это удалось. Ну так мне известна сенсационная деталь: у нее был *коуч*. Аргентинец! Как ты понимаешь, я записала его координаты. И к тому же он вроде бы сложен как бог. Карлос... нет, Диего... погоди, я вбила это в телефон.

– Брось. Я говорю тебе не о *коуче*, а о своей жизни.

– Прости, о чем?

– Я несчастна.

Джоанна застыла с разинутым ртом. Ей казалось, что так говорить крайне неприлично: Энни изрекла непристойность.

– Мне нужно как-то изменить свою жизнь, – договорила Энни.

Джоанна потрясла головой, словно пытаясь освободиться от услышанного, потом, сделав усилие, едва ли не с отвращением заставила себя продолжить обсуждать этот несусветный вздор.

– Что ты сказала?

– Так не может продолжаться. Я несчастна.

Джоанна тяжело дышала, прикрыв глаза. Она была не в силах что-либо ответить.

Энни надолго задумалась.

– Я веселюсь, но я несчастна. Меня все воспринимают как смешную малышку, девушку без комплексов, прожигающую жизнь, но это лишь маска. Макияж. Вообще-то, обычно люди тональным кремом стремятся замаскировать скверную кожу.

Джоанна нервно сглотнула. С чего вдруг Энни на нее накинулась? Откуда такая озлобленность? Еще никто ни разу не посмел заговорить о трехмиллиметровом слое крем-пудры, который она каждое утро наносила на лицо... Чтобы сменить тему, она вдруг спросила:

– Так чего тебе недостает? Ребенка?

– Нет, слишком рано.

– Мужа?

– Не знаю. Может быть... Мне кажется, что моя печаль связана с любовью. Мне необходимо любить, сильно, по-настоящему. У меня такого еще не было.

Джоанна улыбнулась. Тут она была в своей стихии. Сейчас она даст Энни почувствовать свое превосходство.

– Забавно слышать это от тебя... Мне как раз известен мужчина, который пребывает в точно таком же состоянии, что и ты. Причем из-за тебя.

– Ты о ком?

– О Дэвиде.

– О Дэвиде?!

– Дэвид Браун, один из твоих партнеров. Тот самый, которого ты хотела поразить в тот последний вечер, играя в Тарзана и Джейн в ночном клубе. С тех пор как ты попала в клинику, он названивает мне каждый божий день – спрашивает, можно ли тебя навестить.

Энни была явно растрогана. Джоанна пошла в наступление:

– Я, естественно, отказала ему. Во-первых, потому, что не знала, как ты это воспримешь.

– Ну... мне во всяком случае приятно узнать об этом...

Энни вспомнила о своем споре с Итаном. Санитар был удивлен, что никто из ее приятелей и любовников не пришел ее навестить; в тот момент она выдумала какую-то отговорку, но, оставшись одна, тотчас мысленно прокляла своих дружков и пожалела себя. Теперь она знала, в чем дело: Джоанна и ее сотрудники выставили кордон, запретив пускать посетителей в ее палату. Даже тех, кто настаивал... Какое облегчение!

– Дэвид... – прошептала она, наслаждаясь звучанием этого имени на губах.

– Да, Дэвид. И во-вторых, моя дорогая, потому, что он вовсе не тот, кого бы я мечтала видеть рядом с тобой.

Эта фраза подействовала на Энни как электрошок. Возмущившись, она села на постели.

– Как это?

– А так! – отрезала Джоанна. – Если уж тебе нужна большая любовь – любовь, которая ведет к свадьбе, – то мне бы хотелось, чтобы это был кто-то твоего уровня. Ну, как минимум актер, равный тебе в плане карьеры. Что толку, если союз приносит одному куда больше выгод, чем другому? Две звезды. Вроде как Брэд Питт и Анджелина Джоли. Вот это союз! Дэвид Браун – хоть он и привлекателен, сексапилен, талантлив, хорошо образован, хоть девушки по нему и сохнут – не числится в моем списке. Не входит в пятерку лидеров. Ни даже в десятку. И близко не стоял.

– Знаешь, то, что ты говоришь, просто возмутительно!

Энни повысила голос. Глаза ее метали молнии. Молодая женщина произнесла длинную обличительную речь, обвиняя Джоанну во вмешательстве в ее личные дела. Она провозгласила, что сама имеет право выбрать жениха, расхвалила Дэвида, описав его как жертву голливудской мясорубки. Короче, защищая его, она постепенно распалилась не на шутку, так что ее раздражение уже обрело оттенок страстной привязанности к начинающему актеру.

Состроив оскорбленную гримасу, Джоанна от души наслаждалась – так кошка ликует при виде мыши, загнанной в угол, откуда невозможно сбежать. Опытный манипулятор, она умело

раскритиковала Дэвида, чтобы молодая актриса выдала себя. Успех этого маневра превзошел все ее ожидания. Когда через полчаса буря стихла, упрямица Энни уже свято уверовала, что она обожает Дэвида и это и есть панацея для ее душевного состояния.

Уходя, Джоанна с напускным недовольством неохотно пообещала, что разрешит молодому человеку зайти в клинику.

Ночь и следующий день Энни провела в крайнем возбуждении. Она объявила Итану, что скоро явится ее возлюбленный; она с удовольствием расписала его достоинства: красоту, ум, талант и особенно их взаимную страсть. Наделенная живым воображением и переменчивым характером, девушка в конце концов убедила себя, что именно благодаря Дэвиду жизнь ее переменится и обретет смысл.

В четверг около трех часов явились мануальные терапевты, чтобы заново научить ее ходить, не падая, не спотыкаясь и не хватаясь за стены. Они радовались ее успехам, относя их на свой счет, хотя ее окрыляла любовь.

В пять часов она в изнеможении от своих усилий улеглась в постель. Укрывшись одеялом, она мысленно задала себе вопрос: не разыграть ли комедию, расплакавшись, чтобы получить дозу морфина?

В этот момент в ее палате появился непрошенный визитер в халате.

Энни вскрикнула.

За спиной посетителя появился Итан, привлеченный шумом:

– Энни, что случилось?

Она в страхе указала на вошедшего:

– Выгоните его.

– Но я думал...

– Выгоните его! На помощь!

Мужчина подошел к кровати, протягивая букет, который держал за спиной, и опустился на колени:

– Ну, Энни, ты ведь шутишь...

И тут до нее дошло, что это Дэвид Браун.

Она не только не узнала его, она вообще забыла, как он выглядит.

7

Человек в черном вытащил кинжал, чтобы разрезать веревки, удерживавшие Анну. Лес вокруг, освободившись от непрошенных гостей в лице Иды с Филиппом, вновь задышал, бурля собственной жизнью; сперва взлетели воробьи, потом вновь закуковали кукушки, и вскоре лесные обитатели забыли недавно разыгравшуюся жестокую сцену.

Великан помог Анне встать на ноги, и она мельком под нависшим капюшоном увидела длинный крючковатый нос.

Вздвигнув, она шепнула:

– Я вас узнала.

Но сосредоточенно орудовавший кинжалом великан, стараясь не поранить девушку, и ухом не повел.

Попытавшись заглянуть ему в глаза, девушка настойчиво продолжала:

– Да, вы появлялись в моих снах, приносили хлебец.

– Значит, ты не спала. Я каждую ночь приносил тебе еду.

Раскаты бесстрастного низкого голоса волнами разнеслись по лесу, будто круги от брошенного в воду камня.

Анна перестала опасаться великана.

Сняв последний виток веревки, он уселся, прислонившись спиной к поросшему мхом стволу дуба. Анна принялась растирать затекшие запястья и щиколотки. Выдержав долгую паузу, он вдруг спросил ее:

– Ты не спрашиваешь меня почему?

Анна удивленно подняла брови. Нет, она и не собиралась задавать вопросы. Если он приносил ей еду, значит таково было его желание. Тогда вовсе не удивительно, что он пришел к ней на помощь. Он, стало быть, просто благородный человек. Разве спрашивают солнце, зачем оно светит? Вопрос «почему» не слишком соответствовал мироощущению Анны, а уж после дней, проведенных в единении с громадным деревом, когда она ощутила, как дуб растет и впитывает свет, она вся обратилась в созерцание, обращенное вовне, а не внутрь.

Сообразив, что он ждет ее реакции, она воскликнула:

– А как вы связаны с оленем?

– Что за олень?

– Олень, который наблюдал за мной, отслеживал меня. Трижды у меня мурашки пробежали по коже – так остро я ощущала, о чем он думает.

– Может, я и был тот самый олень?

Анна кивнула – в этом она ни минуты не сомневалась. Она продолжила:

– А дерево? – Она указала на дуб, приютивший их под своей сенью. – Оно говорит с вами?

Он, нахмурившись, поразмыслил и выдал вывод:

– Да.

Она восхищенно улыбнулась:

– Правда же, он интересный?

– Да, очень. Это из-за него и ему подобных я частенько задерживаюсь в лесу.

Анна и незнакомец тотчас почувствовали, что они близки, и, чтобы насладиться этим ощущением, надолго замолчали.

Текла река, издавая отчетливый сильный рокот, безмолвно затихавший вдали. Когда миновал полдень, звуки, застывшие в золотом сиянии, стали мягко расплываться в прогретшемся воздухе.

Анна восхищалась не тем, что незнакомец спас ее, – она восхищалась его голосом. Таким могло быть наделено дерево, если бы говорило на человеческом языке.

Незнакомец достал из сумки хлеб и горшочек меда, и они перекусили. Намазывая мед, они вытянулись на моховой подстилке. Незнакомец вызывал у Анны безотчетное доверие.

Она рассказала ему о своем детстве, описала семью, помолвку, свое бегство. Ей было легко говорить, будто скупые на слова последние дни устранили препоны в течении ее речи.

Незнакомец слушал ее, и ей уже казалось, что он выглядит гораздо привлекательнее. Дело было даже не в словах; его внезапная улыбка, взмах ресниц давали понять, что за сказанным он различает иные мысли – те, что таились в тени, те, что ускользали от Анны.

– А к Филиппу ты что чувствуешь?

– Я готова полюбить его.

– Однако ты ведь...

– Он мне нравится, но его любовь внушает мне отвращение. Она вроде как лишает меня свободы.

– Он хочет обладать тобой. Как вещь. Впрочем, он ведь купил тебя?

– У кого?

– У тебя самой. Предложив любить тебя по своим правилам.

Она со вздохом сказала:

– Предчувствую, что за любовью мне следует обратиться в другое место, дальше... и он тут ни при чем! Может, я дурочка?

– Вовсе нет.

Он окинул ее благожелательным взглядом:

– И чем ты теперь займешься?

Анна пожала плечами:

– Это ж ясно. Последую вашим советам. Ведь вы за этим и пришли?

Он, покраснев, опустил голову и прошептал:

– Идущий за мною сильнее меня; я недостоин даже нести его обувь.

Внимание Анны отвлек какой-то треск.

– Ох, смотрите – там, на ветке! – воскликнула она, вскочив.

Незнакомец при виде голубки, на которую указала Анна, впал в полное замешательство. Он побагровел, губы его дрожали, заглушая рвущиеся слова, на глаза навернулись слезы. Он попытался что-то разглядеть в небе, потом улегся на живот, лицом к земле, и раскинул руки.

– Спасибо! – выдохнул он.

К кому он обращался?

Анна переводила взгляд с птицы на распростертого на земле человека. Несла ли вспорхнувшая на дерево голубка какую-то важную мысль? Девушка решила, что незнакомец, будучи старше, учнее, мудрее, получил весть, которую она не распознала.

Вдруг голубка, словно завершив свою проповедь, улетела.

Незнакомец поднялся на ноги и ворчливо произнес:

– Пора идти, нам нужно добраться до Брюгге.

В пути они почти не разговаривали, двигаясь широким шагом; им нужно было добраться засветло.

Спутник Анны хорошо знал этот лес. Держа в руке ореховый пруттик, он, не петляя, уверенно раздвигал папоротники. Слух Анны и незнакомца был согрет птичьим пением – приставучей иволги, надоедливых синиц, назойливого дрозда и даже ворон с их пронзительным карканьем.

Дойдя до грунтовой дороги, они побрели через поля; некоторые были засеяны, другие брошены. После лесного разнообразия равнина показалась Анне монотонной; разочарованная, она обратила взор к горизонту, предпочитая вглядываться в незримое, а не рассматривать неподъемные плуги и согбенных крестьян.

Уже сгущались сумерки, когда вдали наконец показался Брюгге со своей Беффруа; высокая квадратная сторожевая башня – недавно воздвигнутое архитектурное чудо, гордость города и знак его процветания – возвышалась на восемьдесят метров.

На подходе к городу Анна остановила незнакомца.

– Вы уверены? – Голос ее дрожал. – Может, нам стоит переночевать где-то здесь, вне городских стен?

– Тут ты не выспишься. Будешь тревожиться за завтрашний день.

Она растерянно потупилась:

– Вы хотите отвести меня к Филиппу?

– Вовсе нет.

– Тогда куда мы пойдем?

– К твоим родным. Я хочу поговорить с ними о твоём будущем.

Она возразила:

– Никто меня не поймет.

– Почему?

– Потому что я другая.

Что она подразумевала под этим словом? Она не смогла бы уточнить это. «Другая» означало для нее пропасть, которая, как ей казалось, пролегла между ее радостями и радостями остальных людей; одиночество, которое она ощущала, когда люди рассказывали ей о том, что их волнует; невозможность выразить до конца свою сокровенную мысль, которой им никогда

не понять. Анна не умела пользоваться разменной монетой слов и образов других людей: любое слово из языка, которым пользовались собеседники Анны, подразумевало для нее нечто иное. И в семье, и в обществе она чувствовала себя изгоем.

Незнакомец согласился:

– Это правда, ты другая. И тебе следует гордиться этим.

Они двинулись дальше. Перед Анной, ободренной заявлением незнакомца, открывались новые горизонты. Так, значит, ей нечего стыдиться?

С Беффруа донесся колокольный звон.

Они миновали заставу. Анна провела незнакомца сквозь лабиринт извилистых улиц к дому тетюшки Годельевы. Она не могла поселиться на набережной одного из каналов или на главной площади (дома там стоили слишком дорого и были по карману лишь богачам – суконщикам, банкирам и крупным торговцам). Ее дом находился вдали от центра, за улочками ремесленников, в путанице дальнего околотка, где обитал простой люд, близ самых крепостных стен.

Сгустились сумерки. Золотым светом сияли свечи в богатых домах, красноватым – очаги в домах обычных горожан. Грязные, крикливые ребятишки дрались между собой и зубоскалили.

Анна постучала в дверь кирпичного домика.

При виде девушки добрая толстушка Годельева, повинувшись сердечному порыву, выскочила на порог и обняла Анну:

– Милая моя девочка, я так боялась за тебя... О, какое утешение! Я не верила в рассказы Иды, мол, ты сошла с ума, била ее, кусала и отказалась уходить из леса. Она также сказала мне, что там с тобой был какой-то мужчина, чудовище, великан, который...

В этот момент незнакомец выступил из темноты и предстал перед Годельевой. Она поморщилась:

– Но...

– Это мой друг, – пояснила Анна.

– Друг? Но кто вы?

Незнакомец откинул капюшон. Над его головой вздыбилась копна спутанных, скатавшихся светлых волос, которые слегка примялись под черной суконной накидкой.

– Я монах Брендор, – назвалса он, поклонившись.

В ночи сочетание имени Брендор и золотых бликов на светлом руне волос ослепило и Годельеву, и Анну. Без капюшона незнакомец выглядел моложе и не так устрашающе. Конечно, он по-прежнему казался невероятно громадным, но, лишившись ореола тайны, он стал похож на здоровенных фламандских парней, что расхаживали в Брюгге.

– Монах?... – пробормотала Годельева.

Мужчина, пошарив под сутаной, извлек распятие. Годельева одобрительно кивнула, обрадованная новым поворотом событий. Брендору захотелось успокоить ее.

– Я привел вашу племянницу к вам, чтобы обсудить то, что произошло.

Юные кузины Анны – Хедвига и Бенедикта, спустившись с верхнего этажа, сперва оробели, но потом, когда великан им улыбнулся, осмелели и восторженно расцеловали Анну. Мрачная Ида устроилась в сторонке, в темном углу рядом с очагом, выказывая неприязнь и двоюродной сестре, и незнакомцу.

В конце ужина Брендор отставил пустую тарелку, допил вино и, уперев ладони в край стола, сказал:

– Теперь поговорим об Анне.

– Слушаю вас, отец мой. – Годельева, с готовностью уселась напротив гостя.

– Помните ли вы, что Господь наш Иисус Христос провел сорок дней в пустыне?

Он внимательно взгляделся в глаза собравшихся; женщины закивали, подтверждая, что помнят Писание. Он продолжил:

– В этот краткий период отшельничества все переменялось. В итоге Господь, который прежде никогда не произносил проповедей, наконец высказался и приступил к выполнению своей миссии, обходя край, беседуя с людьми, собирая вокруг себя учеников и совершая чудеса. В Его бытии изгнание обозначило рубеж: до пустыни была одна жизнь, после – иная. Песок и скалы создали того Иисуса Христа, коего мы чтим вот уже пятнадцать веков.

– Воистину так, – прошептала тетушка Годельева, не понимающая, куда он клонит.

– Господь наш показывает нам пример. Порой нужно затеряться, чтобы затем обрести себя. – Указав пальцем на Анну, он произнес: – Эта юная дева только что перенесла испытание одиночеством: в лесной чаще она искала свою истину.

– Истину?! – удивленно воскликнула тетушка Годельева, совершенно сбита с толку.

Ида выскочила из своего угла, чтобы схватиться с Брендором.

– Так пускай она выскажет нам эту свою истину! – выкрикнула она.

Все перевели взгляд на Анну.

Девушка с круглыми от изумления глазами пошевелила губами, пытаясь сообразить, что она может поведать, осеклась, потом вновь попыталась что-то сказать, но только вздыхала и охала, а потом, отчаявшись, уставилась в пол.

– Вот она, ее истина: ей нечего сказать! – ликовала Ида.

– Она еще не умеет говорить, – спокойно ответил Брендор.

– Наивная Анна! – завопила Ида. – Она умственно отсталая! До сих пор вы мне не верили, думали, что я завидую ей. А чему тут завидовать? И только этот нищий заступает за нее! – резко бросила она, указывая на монаха.

Брендор выпрямился во весь рост, нахмутив брови. Голос его вновь зазвучал грозно:

– Ее поведение открывает вам путь. Вам кажется, что она заблуждается, а она ведет вас, так как познала то, о чем вы и не подозреваете. – Он обратился к Годельеве. – Сестра, теперь я хотел бы, чтобы мы позволили ей развиваться, чтобы больше не препятствовали ее призванию, чтобы более не запрещали ей любить так, как она это понимает.

Из этой торжественной речи присутствующие не поняли ни слова. Годельева, помолчав, пролепетала:

– О чем это вы?

– О господи! – прорычал Брендор. – Ведь очевидно, что это дитя предназначено Богу!

Женщины застыли с разинутыми от удивления ртами.

Господь есть призвание Анны? Это никому не приходило в голову.

В том числе и Анне.

8

Вена, 2 июня 1905 г.

Дорогая Гретхен,

говорила ли я тебе о своей коллекции? Я как-то случайно начала собирать ее в Италии и потом настолько втянулась, что пришлось докупить три чемодана, чтобы перевозить ее во время наших странствий; а с тех пор как мы обосновались в Вене, это увлечение совершенно поглотило меня.

Прости, я увлеклась и еще ничего тебе не объяснила... Я просто без ума от цветов в стекле! Эти стеклянные шары, заключающие в своей твердой воде фиалки, ромашки, полевые цветы, бабочек, различные лица – я разыскиваю их, а найдя, покупаю. О, кажется, я могла бы даже похитить их!

Мои шкафы ломаются под тяжестью «Бигалья», «Баккара», «Сен-Луи» и «Клиши»². Шары выставлены в моем будуаре и занимают все полки. Простые, веселые, девичьи, невинные, они переливаются сотнями ярких цветов. Их шарообразная форма и основание напоминают сахарные головы. Эти выдумки чаруют всех и вся, включая солнечный свет, который они притягивают и удерживают в глубине, как паутина, захватившая радугу.

При взгляде на них я невольно погружаюсь в мечты. Когда мои глаза блуждают среди этих нетленных цветов, когда взгляд мой скользит по воздушным пузырькам, попавшим в хрустальные шары каплями вечной росы, мое воображение воспаряет ввысь... Не знаю ничего более роскошного, больше того, ни одна вещь никогда не рождала во мне столько мыслей и чувств.

Именно эти замечательные творения превратили меня в завязанного коллекционера, а не наоборот. Прежде у меня не было склонности к таким причудам. Нужно побывать в стекловдушной мастерской в Мурано, чтобы тебя как удар молнии поразила эта страсть...

Когда я приношу в дом новые экземпляры, мне кажется, что спасти их от улицы, предоставить им кров равносильно их освобождению. Ведь, ценя эту безмолвную красоту, я освобождаю ее от обыденного домашнего употребления в качестве пресс-папье, держателей для книг, украшения перил. Здесь они вновь становятся произведениями искусства.

К чему я это описываю? Мне хочется представить тебе те самородки радости, которыми усеяна моя жизнь.

Вне этого увлечения жизнь остается странной, или, скорее, мой образ жизни становится все более и более своеобразным. У меня есть все, чтобы быть счастливой, но я так далека от этого. Хотя я и стараюсь... Каждый день напоминаю себе, что я высокопоставленная особа, что я любима, желанна, живу во дворце, вхожу в высшее венское общество; ежечасно я твержу себе, что у меня превосходное здоровье и еды куда больше, чем нужно, чтобы утолить голод, что я общаюсь с интересными людьми, что в столице империи мне достаточно отправиться в Оперу, на концерт, в театр или художественные галереи, чтобы видеть создания человеческого гения. Каждую ночь я смотрю на красивое тело спящего мужа, твердя себе, что девять австрийских женщин из десяти желали бы занять мое место.

Но несмотря на эти сознательные упражнения, вопреки благим намерениям терплю поражение. Я сознаю свое счастье, но не ощущаю его.

Недомогание где-то рядом...

Если бы я хотя бы могла назвать его...

Зачем я просыпаюсь по утрам? На протяжении дня ничто, кроме моей коллекции, меня не привлекает. И все же я мужественно напяливаю униформу, вновь откатываю свою роль, вношу изменения в реплики, планирую приходы и уходы, готовлю комедию своего существования. Быть может, я замираю после чуда... Какого? Нужно перестать видеть свои действия со стороны. Перестать быть актрисой или зрительницей собственного спектакля. Перестать судить себя, критиковать, обнаруживать собственный обман. Чтобы наконец, как сахар в воде, истаять в реальности, раствориться в ней.

Пока что я даю адекватный обмен, моя игра непогрешима. Моя мимика и красноречие отлично прикрывают растерянность. Вчера Франц с восторгом воскликнул:

– Я горжусь тобой!

Гордится мной?.. Не знаю, ободрило меня его заявление или обескуражило... С одной стороны, мне стало легче оттого, что я принесла удовлетворение этому изысканному мужчине; с другой – страдала, что мой муж, тот, с кем я делю дни и ночи, мой так называемый интимный друг, не замечает моих мук.

² «Бигалья», «Баккара», «Сен-Луи», «Клиши» – популярные в XIX в. итальянские и французские производители пресс-папье в виде стеклянных шаров. Шары миллефиори делаются из скрученных разноцветных стеклянных стержней. На срезе возникает множество мелких цветочков, которые затем заливают прозрачным стеклом, и получается шар.

И каков же вывод?

Должна ли я продолжать жульничать до полного забвения, что я играю роль? Порой мне кажется, что тетушка Виви, моя свекровь и прочие окружающие меня женщины преуспели как раз в этом: их логичные, предсказуемые реакции принадлежат некоему персонажу – персонажу, в которого они верят, который неотделим от них.

Где именно мне следует остановиться? Отправиться искать себя? То, что действительно для меня важно?

Написав эти слова, я испугалась. Уехать, да, но ради чего? Искать себя – согласна, однако что будет, если я себя не найду? Или если не отыщу вообще ничего? Было бы безумием бросить все и отправиться на несбыточное свидание, которого мне никто не назначал... В этот миг мне захотелось помчаться к Францу, броситься в его объятия, приказать: «Обними меня крепче!» – я нередко прошу его об этом. Он обожает подобные приступы, хохочет во все горло, ведь ему кажется, что так я выражаю свою привязанность... Он и не подозревает, что во мне говорит прежде всего мой страх.

Так что Франц меня не отпускает. Молодой граф фон Вальдберг восхищен тем, что я нравлюсь его друзьям, что люди, принадлежащие к сливкам венского общества, так тепло принимают меня. В связи с этим он передает мне услышанные им комплименты в мой адрес: «Она неотразима и так привлекательна, у нее такие верные суждения, идущие от самого сердца. Бриллиант, мой дорогой, вам достался истинный бриллиант!»

Есть чему подивиться: стоит мне где-либо появиться, поднимается шумиха. Поначалу я предполагала, что это связано с обаянием новизны, но эффект длится вот уже больше года и лишь усиливается. Люди толпятся вокруг меня, жаждут моего общества.

– Невероятно! – восклицает Франц. – Записная кокетка и та привлекает куда меньше внимания. Мужчины и женщины, старики и молодежь – все от тебя без ума.

Когда мы возвращаемся с бала, Франц описывает мои достижения, он не дивится им – он ликует. Обычно он потом целует меня в шею и добавляет:

– Заметь, я их понимаю. – Потом его прохладные губы касаются моих. – И напоминаю себе, что мне выпал редкий шанс: я стал избранником обворожительной Ханны... – он опускает шторку нашей кареты, – на тот – маловероятный – случай, если я забуду об этом.

Ну, продолжение этой сцены ты можешь себе представить... Она либо разворачивается в доме, либо, если мы едем издалека, все завершается прямо в экипаже.

Так как Франц помешался на мне, он трактует мой успех сквозь призму своей страсти: при виде меня смертные ощущают отголосок того, что испытывает он.

Бедный Франц, если бы он знал, чем вызван мой жалкий триумф!.. Когда меня спрашивают: «Как вы себя чувствуете?» – я пылко отвечаю: «А вы сами?» Слишком низко оценивая себя, чтобы откровенничать, я предпочитаю интересоваться другими. Никто не обвинит меня в том, что я уклоняюсь от ответа, моя отстраненность, похоже, несет положительный сигнал; и вот мой собеседник раскрепощается, он может затронуть любимый сюжет – поговорить о себе самом. Путь свободен! Он поверяет мне свои радости и страдания, превозносит себя, жалуется, шутит, плачется на невзгоды, выдает дерзкие мнения, выкладывает мне секреты, отваживается выказать угрызения совести и раскаяние, он выражает надежды, изливает настроение, посвящает в свой выбор, причем без разбору – я принимаю все. Происходит словесная разрядка. В обществе я пользуюсь прекрасной репутацией в той мере, в какой превратилась в слух. Не имея, что сказать, я доставляю себе удовольствие слушать; зануда с дурным запахом изо рта интересуется меня больше, чем моя скромная особа. Так что нетрудно представить, с какой скоростью ко мне сбегается народ, стоит мне переступить порог гостиной. На самом деле мои достижения основаны на ловком трюке: я – священник, который не осуждает! Под золоченой лепниной, среди цветов в горшках я располагаюсь в импровизированной исповедальне.

Смотреть на меня приятнее, чем на многих кюре, я более терпима, чем они, кроме того, я воздерживаюсь от наказания кающихся.

«О эта восхитительная мадам фон Вальдберг, какая аппетитная! Дорогой Франц, вы завладели редчайшей жемчужиной».

Они не отдают себе отчета, что вся ценность моих речей состоит в молчании, а мое обаяние – в терпении.

«Она так любезна».

Любезна, поскольку питаю к себе отвращение. Моя общительность проистекает из глубокого неприятия себя.

Моя привлекательность основана на недоразумении: так как меня не существует и весь мир кажется мне куда более живым, чем я, мне удастся позволять другим совершать набеги на мою территорию. Видишь, я могла бы сделаться романисткой, если бы была наделена даром превращать скрытое недовольство собой во фразы.

О Гретхен, так и вижу, как ты хмуришь брови, угадываю прорезающуюся на твоём лбу морщинку: ты не одобряешь моих рассуждений, ты меня осуждаешь.

Ты права.

Что? В чем ты меня упрекаешь? То, что я только что написала, всего лишь обман? Я скрываю правду?!

Браво, твоя пронизательность меня пронзила – как скальпель хирурга.

Да, я предаюсь пустословию. Согласна, я маскирую стыд, свой глубинный стыд, именно его.

Ладно, довольно хитрить: я все еще не забеременела.

Это меня бесит. Несколько месяцев назад, припомни, я посмеивалась над собой, устанавливала ироническую дистанцию, даже позволяла себе усомниться в том, что я предназначена судьбой для деторождения. Нынче это обрело первостатейную важность, учитывая воззрения Франца, а главное – то, что у меня ничего не выходит.

Мое бессилие сводит меня с ума! В какой-то момент я перестаю понимать, хочу ли я забеременеть, чтобы иметь детей или чтобы стереть позор своего провала.

Не важно, я вижу, что я ничтожнее, чем то, чего от меня ожидают.

Тетушка Виви, великосветская потаскушка, снова приходила позондировать почву, погрузив меня в пьянящее облако своих духов.

– Итак, милочка, умопомрачительный миг?

– Уже близок, тетя Виви, уже близок.

От разочарования у нее вытянулся нос, что доказывает, что ее лицо не приспособлено для выражения этого чувства.

Вслед за Виви все представительницы женской половины семейства Вальдберг явились проверить, как я следую их рецептам. Я заверила их в серьезности своих намерений и в послушании. При виде моего плоского живота они пришли к выводу, что я лгу или же что мой случай безнадежен. Так что в их глазах я выгляжу не белой гусыней, а виновницей.

Недавно я тайком проконсультировалась с доктором, чтобы определить, нет ли в моем теле какого-то отклонения от нормы, которое делает меня бесплодной. Ответ практикующего врача был совершенно определенным:

– Мадам, по сложению вы просто созданы для рождения детей.

Неожиданно доктор Тейтельман потребовал, чтобы к нему на прием явился Франц. Я застыла с разинутым ртом:

– Франц?

– Да. Если препятствие не в вас, то, быть может, проблема в нем.

Хотя его предположение было не лишено логики, оно меня расстроило. Конечно же, я ни словом не обмолвилась Францу. И впредь ничего не скажу. Было бы гнусно пойти на это. Бедняга Франц...

Уверена, что проблема во мне, я внутренне убеждена в этом. Я ощущаю в себе некий первородный изъян. Я всегда чувствовала, что я другая. Теперь я начинаю понимать почему. Франц...

Если на ком-то и лежит ответственность, хуже – вина, то именно на мне!

До последнего вздоха я буду оберегать своего мужа, я возьму вину за бесплодность на себя. И если он когда-нибудь признается, что ему необходима полноценная семья, я уступлю свое место плодовитому чреву.

Мой милый Франц... Он совершил большую ошибку, остановив свой выбор на мне.

По возвращении с этой медицинской встречи я с пренебрежением оглядела в зеркале свое обнаженное тело – тощее, костлявое, бесполезное; свои покрасневшие глаза, распухший от плача нос. Отражение отсылало меня к печальной реальности: я всего лишь убогое создание, процветающее по недоразумению и бесчестно извлекающее пользу из благородного мужчины. В тот вечер Францу повезло: когда в дверь постучала горничная, мой взгляд был прочно прикован к висевшему на стене кинжалу...

А потом, на следующий день, у меня, к счастью, была назначена встреча в магазине «Мюллер и сын» по поводу стеклянного шара, и это решительно отдалило роковой удар.

Мой музей спас меня. Я, не откладывая в долгий ящик, проехала километры в фиакре, едва ли не пешком, из одной антикварной лавки в другую, от тупого торговца к дальновидному прохвосту. Когда заходит речь о моих шарах, остановить меня невозможно и я с трудом возвращаюсь к повседневным темам. Нередко бывает, что, когда голова моя уже опускается на подушку, последняя мысль посвящена миллефиори, обнаруженному после обеда в углу витрины, и наутро я просыпаюсь с тем же образом. Никогда у меня не бывает такого нетерпения, мурашек в ступнях, учащенного сердцебиения, как когда я вхожу в антикварный магазин. Хотя в моей страстной мании нет ничего противозаконного, я скрываю ее силу и жар: эта моя одержимость хоть и проявляется среди бела дня, сравнима с наслаждением от супружеской измены.

На самом деле сульфурам³ я предпочитаю миллефиори. В чем разница? Сульфурсы представляют отдельные личности в виде камней, заключенных в стекло, тогда как миллефиори, более пестрые, цветные, являют помещенные в хрусталь одиночные цветы, букеты, весенний ковер цветов.

Успокойся, Гретхен, я избавлю тебя от деталей. Полная договоренность рождает скуку. Не стану тебе навязывать лекцию о предметах моего культа, зная по опыту, как утомительны коллекционеры.

О Гретхен, тебе не повезло! Приходится терпеть такую жалкую кузину, которая к тому ж решила усыпить тебя откровенными признаниями.

Ханна

P. S.

Гретхен! Забудь все, что ты только что прочла! Я промедлила с отправкой этого письма, и оно теперь уже не соответствует действительности.

Сегодня доктор Тейтельман подтвердил диагноз, который подсказывали такие признаки, как недавно округлившийся животик, а также прекращение месячных: я беременна!

Эта чудесная новость аннулирует все предшествующие стенания. Франц плакал от радости, когда я сказала ему об этом; в настоящий момент он разжал объятия, чтобы пойти сообщить новость матери.

³ Сульфурсы – камни, вставленные в стеклянные или хрустальные шары.

Что касается меня, то я отныне самая счастливая женщина в мире.

9

Энни внимательно наблюдала, как работают гримерши. Наконец в обрамленном белыми лампочками зеркале возникло лицо. Сыворотка стянула кожу, и Энни перестала ощущать, что растекается; увлажняющий тональный крем придавал коже цвет, каждый слой румян укреплял ее, каждый штрих карандаша делал ее плотнее, а каждый взмах кисти, наносившей пудру, закреплял достигнутое. Энни чувствовала себя спокойно лишь в макияже, косметика создавала ощущение так недостающих ей непринужденности и уверенности в себе. Некоторое время назад, когда она усаживалась перед зеркалом без грима, ей казалось, что у нее нет лица, что это лишь черновик, эскиз, без отличительных особенностей и эмоций; как прибрежный песок после отлива. К счастью, армия гримерш набросилась на это безликое нечто, стремясь создать Энни четкие, выразительные черты, способные поведать историю или запечатлеться на пленке.

– Какие красивые цветы! Никогда не видела столько букетов! – воскликнула главная гримерша, с восхищением указывая на букеты, заполнившие трейлер. – Вот уж сразу видно, как ваши друзья вас любят! Они празднуют ваше возвращение.

Вместо ответа Энни улыбнулась. Как можно быть такой наивной?! Никакие не друзья: цветы прислали профессионалы – продюсеры, прокатчики, агенты, кинорежиссеры. Да и есть ли у нее хоть один друг?

В дверь постучали.

Вошел художник по костюмам с тремя помощниками.

Снаружи слышался обычный для съемочной площадки шум: шоферы резались в карты, ассистент режиссера разносил помощника, электрик бушевал, призывая рабочих пошевеливаться. Конечно, кричали здесь сравнительно редко, так как все снабжены микрофонами и наушниками, однако кое-кто, в частности Боб, легендарный спец по оборудованию, не мог ими пользоваться – под калифорнийским солнцем у них страшно потела голова, так что они работали по старинке, полагаясь на силу своих легких. Художник по костюмам закрыл за собой дверь, в гримерке звезды вновь воцарилась многозначительная, плотная тишина. Среди команды костюмеров Энни заметила Итана:

– Вот так сюрприз!..

Она потянулась к нему, обрадованная, но санитар клиники «Кедры» исчез; это оказался высокий светловолосый парень из костюмерного цеха, лишь отдаленно напоминавший Итана. Разочарованная Энни пробормотала извинения.

Дылда-помощник в долю секунды заметил, что боссу совсем не нравится, что звезда приветствует какого-то ассистента. Пуля просвистела у виска... На грани нервного срыва (его обычное состояние), протиснувшись между Энни и зеркалом, он произнес сдавленным голосом:

– Энни, ведь для вашей героини утвердили платье с коротким рукавом. Сибилла – это женщина с короткими рукавами. Просто не представляю ее с длинными. Нет, Сибилла и длинный рукав – это нелепо! Короткий – это да! Таков замысел, и именно так я строил линию. Ладно, так почему этот псих-постановщик говорит мне, что нужны длинные рукава?

Энни хихикнула, а потом вытянула руки:

– Потому что он не сообщил вам о несчастном случае.

Художник по костюмам разглядел на руках многочисленные порезы, нанесенные осколками стекла.

– Ох, бедняжка, какой ужас! – С выпученными глазами и широко раскрытым ртом он, сдвинув брови домиком, разглядывал ее руки. – Вам больно?

– Уже нет.

Энни думала, что ее ответ сотрет испуганную гримасу с лица художника по костюмам, но трагическая маска точно приклеилась к нему. По правде говоря, ему было глубоко плевать, страдает Энни или нет, он смотрел на поврежденный слой эпидермы с чисто эстетических позиций.

Поразмыслив, он покачал головой и подозвал своих помощников.

– Длинный рукав, – мрачно бросил он. И, сурово взглянув на Энни, добавил: – Но это меня не устраивает.

– Мне жаль.

– Моя концепция рухнула.

Энни раздраженно парировала:

– Сочувствую вашим страданиям. Послушайте, могу отсыпать вам немного морфина, если у меня еще осталась доза. И предложить вам моего санитаря.

Художник по костюмам озадаченно посмотрел на нее; он привык выражаться гиперболами и не воспринимал иронию. Она жалеет его или высмеивает? Хотя ворчливая интонация читалась однозначно: «Отстань, а то врежу!» Он развернулся, чтобы уйти. В этот момент бедняга был похож на приговоренного к казни на электрическом стуле. Он прошептал:

– Принесу с длинным рукавом.

Крутанувшись на стуле, Энни в зеркале увидела удаляющегося блондина, напомнившего ей Итана.

«Интересно, как он? – подумала она. – Кого сейчас выхаживает? Скучает ли по мне? Я ведь даже не поблагодарила его перед отъездом из клиники. Почему? Ах да, он был выходной. Подумать только, надо бы послать ему цветы. Или пригласить на съемки? Это ему будет интересно».

Она была не в состоянии дать точное определение своим ощущениям, но чувствовала смутную потребность в его присутствии. Джоанна Фишер поднялась по ступенькам и без стука вошла в трейлер, бросив Энни:

– Дорогуша, мы можем начать, когда захочешь...

На самом деле это был приказ. Энни улыбнулась, подумав, что надо будет в какой-нибудь роли применить этот прием: произнести вежливую фразу тоном наемного убийцы.

– Постой, Джоанна, мне надо прикрыть руки.

Гримерши, как медики, стремящиеся сохранить врачебную тайну, бросились к актрисе, чтобы помочь ей спрятать израненные руки.

Тем временем Джоанна предупредила папарацци, что их вскоре впустят.

– Что?! – воскликнула Энни. – Здесь? В трейлере?

– Да, среди цветов.

Тут Энни догадалась, почему гримерка завалена цветами. Не исключено, что дарители были проинформированы, что подарки попадут в кадр вместе с визитной карточкой, приколотой сверху...

В вагончик ворвалась свора журналистов. Фотографы выкрикивали: «Энни!» – чтобы поймать ее взгляд. Они отталкивали друг друга. Их было так много, что щелчки фотокамер напоминали шипение масла на разогретой сковородке, а в зареве непрерывных вспышек блекли все цвета. Стоял неумолчный грохот, как в эпицентре урагана. Несмотря на то что макияж был полностью готов, Энни сидела перед зеркалом, изображая, что находится во власти гримерш. Затем появился режиссер, и они разыграли творческий диалог по поводу сценария. Потом она с блаженной улыбкой вдыхала аромат роз и орхидей. И наконец сделала вид, что читает послания, которые прилагались к снопам цветов. Карточки ей подкладывала Джоанна, сверяясь с заранее составленным списком. По знаку агента репортеры удалились так же быстро, как и вошли. Гам сменила гнетущая тишина.

Утомленная Энни потянулась. Фотосессия опустошила ее, будто снимки капля за каплей вытянули из нее всю кровь, будто на нее напали вампиры. Похоже, племена, отказывающиеся фотографироваться, испытывают похожие ощущения: забрать наш образ означает забрать частицу нас самих. Энни только что подверглась нападению. Захватчики не только отняли у Энни силы, обескровили ее, они к тому же разрезали на куски, поделили на части, раздробили на тысячу фрагментов. Теперь ей необходимо остаться одной, чтобы восстановиться.

– Отдохни, – посоветовала Джоанна, – ты уже на грани... Свет выставят с помощью дублерши, а каскадерша заменит тебя на общих планах в сценах погони.

Джоанна и гримерши тихо ретировались. Энни вздохнула: «Дублерша по свету, дублерша для трюков. Вот бы заполучить дублершу для жизни!»

Устроившись на пуховой перине и подложив под голову подушку, она открыла сценарий, чтобы повторить реплики для сегодняшней сцены. Затвердив текст до автоматизма, она, пытаясь вникнуть в состояние своей героини, представила себя в декорациях рядом с партнерами. Так она определила свои актерские задачи и ритм. Когда сцена в общих чертах сложилась, она, лежа неподвижно, будто пригвожденная к пуховой перине, рискнула проиграть весь текст. Движения она добавит уже на съемочной площадке, делать это раньше – бессмысленно; Энни старалась уберечь себя от неожиданностей до того момента, когда заработает камера.

В дверь робко постучали. Энни что-то буркнула, что с равным успехом могло означать и «да», и «нет».

Вошел Дэвид и остановился в дверях, переминаясь с ноги на ногу.

– Как ты?

Слегка покачиваясь и засунув руки в карманы, он кусал губы и смотрел на нее исподлобья, точно побитая собака. Энни едва не ляпнула, что он похож на кокер-спаниеля, но в последний момент сдержалась, догадавшись, что, изображая робкого юнца, он, должно быть, старался походить на Джеймса Дина.

– Дэвид, ты снимаешься сегодня?

– Нет, я пришел ради тебя.

– Очень мило.

Если у него нет съемок, с чего он вырядился во все новое?

– Хотел удостовериться, что моя детка не поплыла.

«Поплыла? Да я пятнадцать лет на съемочной площадке!»

Когда Дэвид подошел ближе, она отметила, что волосы у него покрыты блеском, глаза подведены, ресницы подкрашены, а брови откорректированы. Он явно убил на макияж не меньше часа.

Энни скривилась:

– Ну, ты при полном параде! С какой стати?

– Что – нелепо выгляжу?

– Да нет. Просто удивилась.

– Джоанна намекнула, что, возможно, придется позировать фотографам...

Он не стал продолжать. Полыхнувший в глазах Энни мрачный огонь свидетельствовал о том, что она сама догадалась.

Желая, чтобы газеты заговорили о новой парочке, Джоанна решила воспользоваться присутствием фотокорреспондентов.

– Разве она тебе не сказала? – простонал Дэвид.

– Нет, не посмела. И я объясню тебе почему: она догадывалась, что ответ будет отрицательным. Слишком рано.

– Но мы ведь уже давно вместе...

– Да. Две недели.

– К тому же мы живем под одной крышей. Так что все правда.

Она мысленно уточнила: «Это ты живешь у меня», но вслух не произнесла. Было бы мелко разглашать, что она приютила Дэвида, потому что предпочитает свою огромную виллу с бассейном его студии.

Чувствуя, что Энни начинает злиться, он подошел и обнял ее за плечи перед зеркалом:

– Да какая разница! Как хочешь... Тебе решать.

Он поцеловал ее в шею.

Энни улыбнулась. Дэвид был безукоризнен. Он никогда не оскорблял ее чувств, постоянно думал о ней: о ее благополучии, ее комфорте; прежде чем сказать или сделать что-либо, умел прислушаться к ее мнению.

Она решила покапризничать:

– Дэвид, сегодня день моего возвращения. Для прессы этого вполне достаточно. Мы поведаем нашу любовную историю немного погодя.

– Я не хочу испортить твое возвращение на съемочную площадку.

Внутренний голос прошептал Энни: «Для него это прежде всего портит его собственный выход».

Дэвид мягко продолжал:

– У нас масса времени. Поверь, через неделю я не разлюблю тебя.

Внутренний голос прокомментировал: «Осторожно, он любезничает с тобой, но тебе отпущена лишь неделя!»

Энни проклинала этот циничный голос, коря себя за задние мысли. Чтобы загладить вину, она покорила ласкам Дэвида. Игриво повизгивая, они нежно потерлись друг о друга, стараясь не размазать макияж.

Когда они разомкнули объятия, Энни не успела заблокировать новое вторжение дерзкого голоса: «Невероятно, до чего все банально. Он на сто процентов использовал свой ресурс обольщения».

Уверенная, что попала в точку, актриса вслух сказала иначе:

– Дэвид, никогда не видела, чтобы ты так выкладывался!

Он тотчас отбил удар:

– Но я тоже никогда не видел тебя такой сексуальной.

– Ах вот как?! То есть обычно я недостаточно хороша для тебя?

Зачем она поддразнивала его? Для чего разыгрывала эту семейную сцену, увязая в штампах? Совершенно ни к чему!

И все же раздражение подталкивало ее.

– Энни, что ты говоришь?! – воскликнул Дэвид. – Ты мне гораздо больше нравишься без этой штукатурки и пудры. Поверь, я наслаждаюсь возможностью видеть тебя такой, какой ни один зритель не увидит.

Она сглотнула. Решительно Дэвид был само совершенство, ему удавалось обезвредить любую мину.

Может быть, именно поэтому внутри нарастало глухое раздражение? Дэвид вел себя так безупречно, что рядом с ним она нередко ощущала собственное ничтожество. Она чувствовала в нем избыток прилежания: он обдумывал каждый свой шаг. Его реплики и жесты были плодом расчета. Энни, склонной к спонтанным решениям, это казалось странным и, в зависимости от момента, то очаровательным, то внушающим тревогу.

«Он точно дьявол, прозорливый, изворотливый! – с возмущением подумала она. Минуту спустя она ужаснулась: – Но Бог, если Он существует, тоже владеет ситуацией...» Так кто же Дэвид? Бог или дьявол? Ангел или демон? Едва заметным движением она дала ему понять, что ей необходимо повторить сцену. Дэвид растворился, будто она в самых любезных выражениях отпустила его.

В долю секунды в приоткрытую дверь она вдали вновь увидела Итана. Хотела его окликнуть, но в этот момент человек обернулся, и она увидела совершенно незнакомое лицо.

«Невероятно, здесь все просто кишит двойниками Итана». Она вновь погрузилась в сценарий и поняла, что знает роль назубок; успокоившись, она предалась раздумьям.

Дэвид навел на нее тоску. Своими ласками, нежными словами он пытался влюбить ее в себя, но она сомневалась, что это возможно, и просто подчинялась логике ситуации.

После внезапного появления Дэвида в клинике, когда, не узнав его, она едва не взвыла, ее не покидало чувство стыда: Итан и Дэвид могли – с полным основанием – решить, что она наркоманка, у которой крыша поехала. Чтобы загладить недоразумение, она переспала с Дэвидом. Обоим это не показалось противным, так что они, как заправские актеры, продолжили удачную импровизацию и воспылали взаимным чувством. Как только Энни выписалась из больницы, Дэвид перевез четыре картонные коробки со своими пожитками и обосновался в ее доме. Джоанна Фишер одобрила идею этого союза и пригласила будущую чету на воскресный бранч.

И понеслось. Внешне это напоминало идиллию. Внутри... Энни то была искренне влюблена, то разыгрывала роль, то уверена в своих чувствах, то колебалась, ей казалось, что она действует по принуждению. Она мчалась вперед, не в силах свернуть, как поезд по рельсам. Но куда приведет этот путь? Есть ли в конце долгих странствий станция? Или же Энни предстоит, как обычно, сойти с рельсов? Порой она заставляла себя заводить интрижки и полагала, что Дэвид делает то же самое. Только у него все выходило куда лучше, чем у нее, и невозможно было уличить его, застав на месте преступления. Так кто он – непревзойденный лжец или истинный воздыхатель?

– Мадемуазель Ли просят на площадку! Пожалуйста, мадемуазель Ли!

Забарабанив в дверь трейлера, четвертый помощник режиссера помог ей освободиться от решения этой проблемы. Исполненная поразительной энергии, Энни направилась на съемочную площадку, кивнула партнерам, потом, коротко переговорив с Заком, постановщиком картины, погрузилась в действие.

Играть. Наконец-то играть. Здесь, на съемочной площадке, ей вольно дышалось. Здесь она была счастлива. Переставала задумываться.

Становиться другой... Несомненно, она была наделена этим даром. Она покорила и партнеров по съемкам, и технический персонал. У них мурашки пробежали по спине. Нет, феномен Энни Ли нельзя было свести ни к горячности средств массовой информации, ни к минутному увлечению публики: она была выдающейся актрисой.

Вечером лимузин доставил ее домой, где Дэвид, увезший букеты, качал мышцы.

Хотя поездка через весь Лос-Анджелес длилась больше двух часов, довольная собой и выбившаяся из сил Энни провела это время, припоминая наиболее драматические моменты сегодняшних съемок. Уже в сумерках шофер высадил ее у виллы.

Возле подъезда, прямо на земле, сидел со сборником стихов на коленях Итан. Он был поглощен чтением. Худощавый санитар не был похож ни на кого. Любопытство, побудившее его склониться над страницами, оказалось настолько сильным, что он не поднимал головы. Его книга выглядела совершенно нестандартно: она вовсе не походила на бестселлер из тех, что в пору рекламных кампаний штабелями громоздятся в книжных магазинах. Это был тонкий томик в мягкой обложке – ни зазывной расцветки, ни красочных заголовков; от него так и веяло избранностью.

Встав перед ним, Энни в упор разглядывала склоненную к книге светловолосую голову.

Она опасалась опять обознаться, как это уже было с утра. Но тут Итан вдруг поднял голову, улыбнулся ей, и она узнала его спокойное, худое, освещенное улыбкой лицо. Она прошептала:

– Я сегодня думала о тебе.

Он закрыл книжку. Подобно поднимающейся из корзины факира змее, он распрямил свое высокое, гибкое тело. Его голова, задев лоб Энни, установилась в двух метрах над землей. Он окинул Энни внимательным взглядом и произнес:

– Я ждал тебя целый день.

10

К общему удивлению – так как обычно тетушка Годельева проявляла скорее мягкость, чем властность, – ее решение было непреклонным: Анна останется дома.

Разумеется, свадьбу с Филиппом отменят, но девушке предстоит вернуться к своим прежним обязанностям: прядению, вышиванию, стряпне, шитью. Забыть о своем приключении, расстаться с монахом Брендором, прийти в себя. Наступит день, она познакомится с другим парнем из Брюгге и выйдет за него замуж. Такая вот программа.

– Анна, я обещала твоей матери! В слезах я поклялась ей, что, если ты выживешь, я буду заботиться о тебе, как о своей дочери. И успокоюсь, лишь когда приведу тебя под венец.

При упоминании о последних минутах жизни ее матери Анна сжалась, задыхаясь от боли. Возможно, мать не скончалась бы, если бы не произвела ее на свет. Ведь все девять месяцев беременности она не только вынашивала плод, но вскармливала свою собственную смерть. И кто во время трудных родов выбрал спасение ребенка?! Кто – призванный на помощь цирюльник или сама мать – принял решение вспороть живот, чтобы извлечь младенца? Женщина, пошедшая на эту пытку – кесарево сечение, знает, что в течение следующих часов, а может, и дней ей предстоит агония... Анна опасалась, что своим существованием она обязана самопожертвованию матери. Хуже того – бесплодному самопожертвованию. Стоила ли она, Анна, этого отречения? Она – ничтожная, непоследовательная во всем, за что бралась, она не воспользовалась этим даром – жизнью, которую так ценила ее мать. Бессмысленная жертва...

Терзаемая чувством вины, Анна сдалась. Тем более что Брендор, хоть и защищал ее, не слишком настаивал. Анна даже почувствовала себя оскорбленной: почему он не попытался сломить упорство тети Годельевы? Великодушная матрона так чтит Господа и Его служителей, что монаху удалось бы повлиять на нее.

Брендор, в течение трех дней пытавшийся настаивать на уходе Анны в монашескую обитель, отказался от борьбы, не выказав ни малейшего сожаления.

– До скорой встречи, Анна, – сказал он, поцеловав ее в лоб.

– Куда вы теперь направитесь?

– Куда глаза глядят.

– Мы еще встретимся?

– Конечно. Как и твоя тетушка, я считаю себя ответственным за твою судьбу, хоть и на свой лад.

– Что это значит?

– Позже поймешь.

– А когда вы вернетесь?

– Когда ты будешь готова.

Анна ощутила не досаду, а удивление. К чему она еще не готова?

– Анна, в разговоре с тетушкой ты не поддержала меня, ни разу не высказала, чего хочешь ты.

Анна признала, что Брендор прав. Она вновь подметила, что в любой ситуации ведет себя пассивно до такой степени, что сама не осознает своей пассивности.

– Брендор, ну почему я так легко позволяю другим управлять мною?

– Потому что ты создана для того, чтобы подчиняться, – что само по себе чудесно, – но ты пока еще не открыла для себя кому.

Он надвинул на глаза капюшон, поправил узелок на плече и ушел не оглядываясь.

Жизнь продолжалась.

Хотя они и жили под одной крышей, Ида каким-то чудом избегала общения с кухней. Сидя с ней за одним столом или разговаривая с домашними, она ни разу не одарила Анну ни единым словом, ни единым взглядом. Отношение к кухне как к безмолвной невидимке было лучшим способом сказать ей: «Мерзкая самозванка, уходи отсюда, потому что тебя больше нет». Когда Анна ходила с тетушкой за рыбой, она ловила на себе неодобрительные взгляды, по которым догадалась, что обыватели приняли сторону Филиппа; парни со вздохом качали головой, девицы ухмылялись, женщины постарше поджимали губы, а старики смотрели на нее с пренебрежением, как на шелудивого пса. Анна, смиренно опустив голову, шла своей дорогой. Она ни в чем их не упрекала, она понимала, что ее бегство оскорбило родных, жениха и всех близких, в чьей нелегкой однообразной жизни свадьба знаменовала осуществление радостных надежд. Своим бегством она растоптала их убеждения; своих недоброжелателей она понимала лучше, чем саму себя.

В своей комнатке, если к ней не забежали поболтать Хедвига и Бенедикта – только они не изменили своего отношения к ней, – она изучала Библию, выполняя обещание, вырванное у нее Брендором. Из тетушкиного сундука она извлекла единственную имеющуюся в доме книгу, в обтянутом льном деревянном переплете. Восхитившись полудрагоценным камнем, украшавшим обложку, Анна решила, что будет занятно постичь ее содержание. В те времена добрые христианки слушали Библию, но сами не читали. Им было достаточно мессы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.